

ДАЙДЖЕСТ НОВОСТЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА

Дайджест новостей правового регулирования банкротства
/март-апрель 2019 года/

Оглавление:

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА.....	4
II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА	5
1. Законопроекты	5
2. Громкие банкротства	5
Банки	5
Торговля	6
Транспорт, инфраструктура	6
Строительство	6
Банкротство физических лиц.....	6
III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА	6
Возбуждение дела о банкротстве.	6
Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве.....	7
Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве.....	9
Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве.	10
Оспаривание сделок должника	20
Субсидиарная ответственность лиц при банкротстве, взыскание убытков.	29
Залог и поручительство при банкротстве.....	31
Банкротство граждан.	33
Банкротство застройщиков.	34

<i>Прочие вопросы</i>	37
IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:	41
1. Монографии	41
2. Диссертации.....	40
3. Статьи.....	40
4. Блоги.....	41
Ответственный	42
редактор Дайджеста:

Уважаемые коллеги и дорогие друзья!

Представляем 22-ой выпуск Дайджеста новостей правового регулирования банкротства. В этот раз его выход пришлось немного сместить из-за майских праздников. Надеемся, это обстоятельство не охладит ваш интерес. Уверены, вы не пожалеете о времени, потраченном на ознакомление с представленным материалом.

С уважением,

Алексей Мороз,

адвокат, магистр частного права (РШЧП),

к.э.н., управляющий партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА

- Сообщаем о публикации в свободном доступе электронным издательством «М-Логос» четвертого тома в рамках серии «Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса» [«ЗАЕМ, КРЕДИТ, ФАКТОРИНГ, ВКЛАД И СЧЕТ: постатейный комментарий к статьям 807-860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации»](#) под редакцией А.Г. Карапетова.

Этот комментарий написан с целью помочь юристам-практикам, судьям, ученым и студентам, а также всем интересующимся гражданским правом сориентироваться в проблемных вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договорах займа, кредита, факторинга, вклада и счета с учетом новелл, принятых в рамках реформы ГК РФ и вступивших в силу 1 июня 2018 г. Авторы ставили себе задачу осветить максимальное число сложных и неоднозначных вопросов толкования и применения как нетронутых реформой, так и измененных и абсолютно новых положений ГК РФ о данных договорах, отразить накопившуюся судебную практику применения этих статей и в ряде случаев предложить оптимальные пути решения выявленных коллизий.

Авторский коллектив: В.В. Байбак, О.М. Иванов, А.Г. Карапетов, М.А. Любимова, И.Н. Махалин, А.А. Павлов, С.В. Сарбаш, И.А. Ястржембский

Электронная книга опубликована в свободном доступе при поддержке: «Allen&Overy», «Art de Lex», АБ «Бартолиус», АБ «Корельский, Ищук, Астафьев и партнеры», «Linklaters», «Российский арбитражный центр», «Савельев, Батанов и партнёры», «Томашевская и партнеры», «ФБК Право», АБ «Юстина», а также судебного юриста Алексея Костоварова, Best Lawyers «Banking and Finance Law».

Скачать книгу в электронном формате бесплатно можно [здесь](#).

Печатную версию книги можно приобрести на сайте издательства «Статут» <http://estatut.ru>

Видеозапись официальной презентации этого тома см. [здесь](#).

- Рады также сообщить о размещении на сайте электронного издательства «М-Логос» в свободном доступе ряда электронных книг, многие из которых ранее были доступны лишь в платном формате.

- 1) Первый том Серии #Глосса: [«Договорное и обязательственное право \(общая часть\): постатейный комментарий к статьям 307–453 ГК РФ»](#) Отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017
- 2) Карапетов А.Г. [Экономический анализ права](#). М., 2016.
- 3) Лотфуллин Р.К. [Оспаривание сделок при банкротстве](#). М, 2019
- 4) Шелкунов А.Д. [Принцип нейтральности налога на добавленную стоимость](#). М, 2017
- 5) Асосков А.В. [Коллизионное регулирование договорных обязательств](#). М., 2012

- На сайте Юридического института «М-Логос» опубликованы в свободном доступе видеозаписи, а также тезисы докладчиков научных круглых столов, которые Институт организовал в марте 2019 г.:

[Научный круглый стол «НЕПРОТИВОПОСТАВИМОСТЬ ДОГОВОРА ПРИ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ: как толковать и применять п.3 ст.433 ГК»](#)

[Презентация четвертого тома из серии комментариев гражданского законодательства #ГЛОССА: «ЗАЕМ, КРЕДИТ, ФАКТОРИНГ, ВКЛАД И СЧЕТ: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации»](#)

- На сайте Института опубликованы следующие дайджесты правовых новостей:

[Дайджест новостей российского и зарубежного частного права за февраль, март 2019 года](#)

[Дайджест новостей процессуального права за март 2019 года](#)

[Дайджест новостей права интеллектуальной собственности за декабрь 2018 – февраль 2019](#)

[Дайджест новостей российского и зарубежного налогового права за январь – март 2019 г.](#)

[Дайджест новостей торгового и потребительского права 1 квартал 2019 года](#)

- Приглашаем подписчиков Дайджеста принять участие в следующей образовательной программе, которые Институт организует по вопросам правового регулирования банкротства:

Четырехдневный семинар повышения квалификации «[Практика применения законодательства о банкротстве: новеллы законодательства, судебная практика и актуальные правовые вопросы](#)» (Москва, 27 - 30 мая 2019г., формат обучения – дневной).

II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА

1. Законопроекты

[Законопроект № 644998-7 "О внесении изменений в статью 20 Федерального закона "О банках и банковской деятельности" и Федеральный закон "О несостоятельности \(банкротстве\)" в части развития инструментов финансового рынка"](#)

Дата внесения в ГД: 13 февраля 2019 года

Статус: 09 апреля 2019 года принят в первом чтении

Инициатор: Правительство Российской Федерации

Комитеты: Комитет Государственной Думы по финансовому рынку

Из пояснительной записки к законопроекту:

Законопроект содержит изменения по следующим направлениям совершенствования института ликвидационного неттинга:

— защита ликвидационного неттинга при оспаривании действительности одного или нескольких финансовых договоров, заключенных в рамках генерального соглашения (единого договора) или правил клиринга;

— исключение возможности необоснованного оспаривания ликвидационного неттинга, а также финансовых договоров, заключенных в целях обеспечения исполнения обязательств из производных финансовых инструментов, как сделок, влекущих за собой оказание предпочтения одним кредиторам перед другими кредиторами, по основаниям, предусмотренным статьей 61.3 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)";

— закрепление возможности использовать механизм ликвидационного неттинга в отношении нескольких нетто-обязательств, выявленных из различных генеральных соглашений (единых договоров) и (или) правил клиринга;

— закрепление достаточности для целей возможности применения ликвидационного неттинга соответствия положений генерального соглашения (единого договора) об определении и расчете нетто-обязательства положениям примерных условий договоров, предусмотренных статьей 515 Федерального закона "О рынке ценных бумаг".

Также законопроектом предусмотрен ряд поправок, устраняющих неоднозначное толкование допустимости ликвидационного неттинга в рамках различных процедур банкротства, а также обеспечивающих единообразное регулирование механизма ликвидационного неттинга в различных нормативно-правовых актах.

Реализация предложенных мер позволит снять дополнительные юридические риски для участников оборота и позволит повысить привлекательность российского финансового рынка в целом.

2. Громкие банкротства

Банки

[АСВ требует с бывших руководителей Финарс Банка более 86 млн рублей](#)

[АСГМ обязал бывшего вице-президента "Открытия" выплатить банку 60 млн рублей](#)

[В АСГМ поступил иск банка "Траст" на 3,3 млрд рублей](#)

[Кипрская компания проиграла Промсвязьбанку в кассации](#)

[Первая попытка ЦБ продать санируемый банк закончилась неудачей](#)

[Суд отклонил апелляцию по иску к "Уралсибу" на 6 млрд рублей](#)

[Явный иск и тайные намерения: чего хочет банк "Траст" в деле на 255 млрд](#)

Торговля

[WSJ: фармкомпания объявит о банкротстве из-за обвинений в опиоидном кризисе](#)

[Суд запустил процедуру банкротства "Ангстрем-Т" по иску ВЭБ.РФ](#)

[Суд обязал "Юлмарт" выплатить совладельцу компании Костыгину еще 68,7 млн рублей](#)

Транспорт, инфраструктура

[ВТБ подал иск к экс-владельцам "Трансаэро" на 249 млрд рублей](#)

[Суд обязал "Трансаэро" в первую очередь выплачивать зарплату нынешним работникам](#)

[Судоходная компания подала иск к "дочке" "Лукойла" на 317 млн рублей](#)

[Четыре компании подали иски о банкротстве Utair](#)

Строительство

["Дочки" "Стройгазконсалтинга" судятся за 900 млн рублей](#)

[Суд запустил процедуру банкротства головной структуры Urban Group](#)

[Управляющий структуры ГК "Сумма" попросил АСГМ освободить его от должности](#)

Банкротство физических лиц

[АСГМ признал банкротом бывшего депутата Госдумы](#)

[Суд признал экс-владельца СУ-155 банкротом](#)

[Требования кредиторов к совладельцу "Юлмарта" превысили 1 млрд рублей](#)

III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА

Возбуждение дела о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 12.03.2019 № 301-ЭС18-23938](#)

Если на момент подачи заявления о признании должника банкротом заявитель заблаговременно не опубликовал сообщение о таком намерении, заявление не может быть принято судом к производству при наличии иных кредиторов, уже совершивших аналогичную публикацию.

Как установлено судами и следует из материалов дела, оставляя заявление общества "Формматериалы" о признании должника банкротом без движения, суд первой инстанции предложил заявителю представить доказательства выполнения им обязанности, установленной п. 2.1 ст. 7 Закона о банкротстве по предварительному опубликованию в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц (далее – Единый федеральный реестр) уведомления о своем намерении обратиться с заявлением о признании должника банкротом.

Такое уведомление общества "Формматериалы" опубликовано в Едином федеральном реестре позднее даты подачи заявления о признании должника банкротом.

Впоследствии, принимая заявление общества "Формматериалы" к производству после устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления его без движения, суды указали, что к моменту рассмотрения вопроса о принятии заявления к производству возложенная на общество "Формматериалы" обязанность исполнена.

Между тем судами не учтено следующее.

В рассматриваемом случае цель публикации – оповещение всех заинтересованных лиц о намерении обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом – не достигнута. Доказательств соблюдения требования о предварительном публичном раскрытии информации о намерении общества "Формматериалы" подать заявление о банкротстве общества "Раско" не представлено.

Следовательно, на момент подачи заявления у общества "Формматериалы" отсутствовало право на совершение такого процессуального действия, а допущенное нарушение применительно к дате подачи заявления носило неустранимый характер и не могло быть принято к производству как поданное с нарушением требований, предусмотренных Законом о банкротстве (абз. 1 п. 1 ст. 42 Закона).

Учитывая изложенное, суд первой инстанции должен был возвратить заявление общества "Формматериалы" на основании п. 4 ч. 1 ст. 129 АПК РФ и п. 4 ст. 44 Закона о банкротстве, указав, что возвращение заявления не препятствует повторному обращению с таким же требованием в суд в общем порядке после устранения обстоятельств, послуживших основанием для его возвращения, и в случае признания аналогичных заявлений иных лиц необоснованными.

Публикация сведений о намерении общества "Формматериалы" обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом 20.08.2018 при соблюдении п. 2.1 ст. 7 Закона о банкротстве свидетельствует о возникновении у общества "Формматериалы" права на подачу такого заявления не ранее 05.09.2018. Однако на указанную дату (05.09.2018) в суде уже находилось заявление общества "Первый стекольный холдинг" о признании должника банкротом (сообщение о намерении обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом опубликовано обществом "Первый стекольный холдинг" в Едином федеральном реестре за № 03278433 от 31.07.2018). Нарушив порядок подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), общество "Формматериалы" в том числе лишило общество "Первый стекольный холдинг" как кредитора должника, своевременно исполнившего обязанность по опубликованию намерения обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом, права на представление кандидатуры арбитражного управляющего.

В рассматриваемой ситуации заявление общества "Формматериалы", поданное до совершения публикации о намерении, могло быть принято судом к производству только в том случае, если бы к моменту истечения срока оставления заявления без движения и решения вопроса о принятии в Едином федеральном реестре отсутствовали бы аналогичные публикации иных лиц о намерении банкротить должника, осуществленные ранее общества "Формматериалы". Однако, как указано выше, общество "Первый стекольный холдинг" совершило публикацию первым, то есть у него первого в силу п. 2.1. ст. 7 Закона о банкротстве возникло право на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом, которое было им реализовано.

Довод банка об уведомлении обществом "Формматериалы" всех известных кредиторов должника путём заблаговременного направления последним персональных извещений отклоняется судебной коллегией, поскольку не нашел своего подтверждения в материалах дела. Кроме того, данные действия не освобождают от необходимости соблюдения требования, установленного п. 2.1. ст. 7 Закона о банкротстве.

Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве.

Определение ВС РФ от 21.03.2019 № 308-ЭС18-25635

Создание искусственных условий для изменения территориальной подсудности дела о банкротстве посредством формальной смены регистрационного учета, не сопровождаемой фактическим переездом, для целей затруднения кредиторам реализации принадлежащих им прав на получение с должника причитающегося исполнения в процедуре несостоятельности (банкротный туризм) недопустимо.

После возбуждения производства по делу о банкротстве должника кредитор Перегудов И.В. заявил ходатайство о передаче дела по подсудности в Арбитражный суд города Москвы.

Как следует из материалов дела 21.05.2018 кредиторы Перегудов И.В. и Тай Ю.В. опубликовали в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц сообщения о намерении обратиться в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о банкротстве главы крестьянского (фермерского) хозяйства Чака С.М.

На следующий день Чак С.М. обратился с заявлением о прекращении статуса главы крестьянского (фермерского) хозяйства.

После этого одним днем 23.05.2018 Чак С.М. осуществил действия по снятию с регистрационного учета по адресу в г. Москва; этим же числом он зарегистрирован по новому адресу в Ставропольском крае.

29.05.2018 Чак С.М. был снят с регистрационного учета в качестве главы крестьянского (фермерского) хозяйства.

Непосредственно вслед за этим через два дня 31.05.2018 Чак С.М. обратился в Арбитражный суд Ставропольского края с заявлением о признании себя несостоятельным.

Суд первой инстанции удовлетворил ходатайство Перегудова И.В., апелляционная инстанция отменила судебный акт.

Между тем судом апелляционной инстанции не учтено следующее.

Действительно, место регистрации гражданина в органах регистрационного учета в подавляющем большинстве случаев имеет решающее значение для определения территориальной подсудности дела о банкротстве.

При этом по смыслу абз. 2 п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2015 № 45 "О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности

(банкротстве) граждан" предполагается, что место жительства гражданина совпадает с местом его регистрационного учета (ч. 4 ст. 2 и ч. 2 ст. 3 Закона № 5242-1).

Однако в исключительных случаях данная презумпция может быть опровергнута, если заинтересованное лицо (например, кредитор) докажет, что содержащаяся в документах регистрационного учета информация не отражает сведения о настоящем месте жительства должника.

В целях выяснения соответствующих обстоятельств во внимание, в первую очередь, могут приниматься факты, свидетельствующие о необычном характере поведения должника при смене регистрационного учета в период инициирования дела о несостоятельности.

Аналогичная правовая позиция изложена в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.02.2019 № 305-ЭС18-16327.

Если заинтересованное лицо привело убедительные доводы и представило доказательства, зарождающие у суда обоснованные сомнения относительно соответствия данных регистрационного учета должника реальному положению дел, на последнего переходит бремя подтверждения того, что изменение учетных данных обусловлено объективными причинами и связано с переездом на жительство в другой регион.

При этом следует признать, что чем ближе дата смены регистрационного учета к дате возбуждения дела о банкротстве (и соответственно к моменту решения судом вопроса о подсудности дела), тем более высокой является априорная вероятность наличия в действиях должника по смене такого учета признаков недобросовестности, следовательно, тем в более упрощенном порядке на него должно перекладываться бремя процессуальной активности по обоснованию подсудности.

Из указанных фактов, а также последующего поведения должника по подаче заявления о собственном банкротстве очевидно следует, что прекращение статуса главы крестьянского (фермерского) хозяйства было необходимо Чаку С.М. для того, чтобы получить право на обращение с заявлением о банкротстве ранее, чем такое право получают кредиторы, по подсудности, не соответствующей его месту жительства. В случае сохранения статуса главы КФХ, он был бы вынужден, как и кредиторы, опубликовать сообщение о намерении по правилам п. 2.1 с. 7, п. 2.1 ст. 213.4 Закона о банкротстве, однако хронологически такое сообщение было бы опубликовано позже 21.05.2018, то есть право на обращение возникло бы позднее, чем у кредиторов. Прекращение статуса главы КФХ и внесение соответствующих изменений в ЕГРИП позволило воспользоваться общими положениями п. 2 ст. 213.4 Закона о банкротстве, не предусматривающими обязанности совершать публикацию при подаче гражданином, не имеющим статуса индивидуального предпринимателя, заявления о собственном банкротстве, тем самым опередив кредиторов, вынужденных дожидаться истечения пятнадцатидневного срока для реализации своего права.

При этом следует согласиться с судом первой инстанции в той части, что совершенная Чаком С.М. в этот же период за несколько дней до подачи заявления о банкротстве смена регистрационного учета была направлена на искажение действительных данных о месте постоянного или преимущественного проживания.

Кроме того, суд первой инстанции установил, что значительная часть имущества должника, большинство кредиторов, а также юридических лиц, с которыми Чак С.М. связан корпоративными правоотношениями, находятся в г. Москве, то есть фактически г. Москва является центром тяготения экономических интересов должника, основным местом его деятельности и фактического проживания.

Суд апелляционной инстанции при рассмотрении настоящего спора избрал излишне формальный подход, который может стимулировать недобросовестных должников к, так называемому, "банкротному туризму", то есть к созданию искусственных условий для изменения территориальной подсудности дела о банкротстве посредством формальной смены регистрационного учета, не сопровождаемой фактическим переездом, для целей затруднения кредиторам реализации принадлежащих им прав на получение с должника причитающегося исполнения в процедуре несостоятельности. Такой подход не соответствует целям законодательного регулирования банкротства граждан.

При этом следует также отметить, что, регистрируясь по новому адресу в другом регионе и обращаясь с заявлением о собственном банкротстве, Чак С.М. даже не уведомил своих кредиторов об этом факте, что дополнительно указывает на недобросовестный характер его поведения.

Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 29.04.2019 № 310-ЭС17-15048 \(2\)](#)

В случае, если судами было признано незаконным бездействие арбитражного управляющего, он подлежит отстранению от исполнения возложенных на него обязанностей в случае, если допущенные им нарушения законодательства порождают обоснованные сомнения в способности данного управляющего к надлежащему ведению процедур банкротства.

Порождающими сомнения и достаточным для отстранения могут считаться следующие действия (бездействие) арбитражного управляющего: непроведение управляющим детальной оценки движения средств по счету должника, непроведение управляющим проверки судьбы выручки от реализации имущества должника, противодействие кредиторам, пытающимся нейтрализовать негативные последствия бездействия управляющего, непроведение управляющим проверки мотивов принятия органами должника решений по изменению корпоративных отношений и места нахождения должника.

Суды трех инстанций признали незаконным бездействие конкурсного управляющего Борзова И.Ю., выразившееся в неподаче в суд заявления о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, однако отказали в удовлетворении ходатайства об отстранении Борзова И.Ю. от исполнения обязанностей конкурсного управляющего.

По мнению кредитора Ткаченко А.С., должник, проведя в 2012 году широкомасштабную акцию по распространению среди населения топливных карт, не обеспечил предоставление потребителям соответствующих товаров и услуг и не вернул по их требованиям денежные средства, полученные при выдаче названных карт.

Лагранский А.В., приобретший наряду с другими гражданами топливную карту должника, не получив удовлетворения, обратился в арбитражный суд с заявлением о признании топливной компании банкротом, однако производство по делу о банкротстве было прекращено в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения расходов на проведение процедур банкротства.

После прекращения производства по первому делу о банкротстве должник изменил наименование и дважды перерегистрировался в других субъектах Российской Федерации – сначала в Ивановской области (январь 2015 года), затем в Смоленской области (март 2015 года), где вскоре принял решение о добровольной ликвидации (август 2015 года).

При этом в названный период времени произошли и другие изменения – изменился состав участников должника, его единоличный исполнительный орган, был назначен ликвидатор.

По мнению Ткаченко А.С., не имелось разумного экономического обоснования смены места нахождения должника, проведения процедуры ликвидации в ином регионе под неизвестным кредиторам фирменным наименованием, совершению действий по передаче прав на доли в уставном капитале компании и по передаче полномочий ее руководителя.

Признавая бездействие управляющего Борзова И.Ю. незаконным, суды пришли к выводам о том, что у конкурсного управляющего имелись основания для подготовки заявления о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и обращения с таким заявлением в арбитражный суд, одновременно суды не отстранили Борзова И.Ю. от исполнения возложенных на управляющего обязанностей.

Между тем судами не учтено следующее.

Меры, направленные на пополнение конкурсной массы (в частности, с использованием механизма привлечения к субсидиарной ответственности), планирует и реализует, прежде всего, арбитражный управляющий как профессиональный участник антикризисных отношений, которому доверено текущее руководство процедурой банкротства, а не кредиторы должника.

Отстранение управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей должно применяться тогда, когда допущенные им нарушения законодательства порождают обоснованные сомнения в способности данного управляющего к надлежащему ведению процедур банкротства (абз. 4 п. 56 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве").

Суды первой и апелляционной инстанций установили, что управляющий Борзов И.Ю. не совершил действия, необходимые для правильного разрешения вопроса о возможности привлечения к ответственности контролирующих лиц.

Более того, конкурсный управляющий Борзов И.Ю. противодействовал кредиторам Ткаченко А.С., который пытался своими силами устранить негативные последствия бездействия управляющего.

Управляющий возражал против заявления данного кредитора, предоставив отдельные документы по годовой и промежуточной бухгалтерской отчетности компании, выписку о движении средств по ее счету за период с 31.05.2013 по 01.04.2016 и отчет о финансовом анализе, выполненный управляющим, большая часть которого посвящена описанию социально-экономического развития Смоленской области в январе – декабре 2014 года, тогда как компания в это время фактически вела деятельность на территории других субъектов Российской Федерации. В документах, исходящих от управляющего, не содержатся суждения относительно мотивов принятия органами должника решений по изменению корпоративных отношений и места нахождения компании, не дается детальная оценка движению средств по счету компании (в том числе, должным образом не исследуется, связаны ли операции, по которым компания перечисляла средства в значительном размере, в частности те, по которым она расходовала средства, полученные должником в IV квартале 2014 года от реализации запасов стоимостью около 1 млрд. рублей, с действительной хозяйственной деятельностью, отражает ли документооборот реальное положение дел).

Не проведя подробной проверки судьбы выручки от реализации имущества компании и ее имущественных прав (при многомиллиардных оборотах по счетам компании за 2013 – 2014 годы (согласно данным бухгалтерских отчетов самого должника)), управляющий подал ходатайство о завершении процедуры конкурсного производства, не разобравшись в сложившейся ситуации (определение суда первой инстанции от 28.02.2017).

Такое поведение управляющего давало основания полагать, что Борзов И.Ю. не желает надлежащим образом вести процедуру банкротства компании.

Бездействие Борзова И.Ю., признанное судами незаконным, создало реальную угрозу причинения убытков должнику и кредиторам ввиду невыполнения всего комплекса мероприятий по формированию конкурсной массы, определенного Законом о банкротстве, что создало риск ее непополнения.

Вывод судов о несущественности допущенных Борзовым И.Ю. нарушений вступил в явное противоречие с содержанием той части судебных актов, в которых эти нарушения признаны незаконными.

Установленные судами первой и апелляционной инстанций обстоятельства в соответствии с положениями ст. 20.4, 145 Закона о банкротстве, приведенными разъяснениями ВАС РФ являлись достаточными для применения к Борзову И.Ю. такой меры ответственности как отстранение его от исполнения обязанностей конкурсного управляющего компанией.

Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 28.03.2019 г. № 305-ЭС18-17629 \(2\)](#)

Если заинтересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные свидетельства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными их аргументы о внутригрупповом характере отношений, бремя доказывания обратного переходит на предъявившего требование кредитора, ссылающегося на независимый характер его отношений с должником. Нежелание такого кредитора представить дополнительные доказательства должно рассматриваться исключительно как отказ от опровержения того факта, на наличие которого указывают его процессуальные оппоненты.

Общество "Пиррон" (конкурсный кредитор) обратилось в Верховный Суд РФ с жалобой на судебные акты о включении требований общества "Астория" в реестр требований кредиторов общества "Еврофинанс".

Общество "Астория" во исполнение обязательств по договору поручительства погасило за общество "Еврофинанс" (заемщик) задолженность перед банком. Впоследствии, сославшись на исполнение обязательства по кредитному договору, общество "Астория" предъявило к включению в реестр требований кредиторов должника выплаченные поручителем суммы, а также проценты за пользование чужими денежными средствами.

Признавая требования общества "Астория" обоснованными, суды сослались на переход к нему в порядке суброгации (ст. 365, 384 и 387 ГК РФ) всех прав, принадлежавших банку.

Суть возражений общества "Пиррон" по требованию общества "Астория" сводилась к тому, что этот кредитор и должник контролируются один и тем же конечным бенефициаром – Самиевым И.Р.

Отклоняя доводы о наличии группы лиц, контролируемой Самиевым И.Р., суды указали на то, что кредитор и должник не участвуют в уставных капиталах друг друга, имеют разных руководителей, которые также не владеют долями в уставных капиталах обществ "Еврофинанс" и "Астория".

По смыслу п. 3 ст. 53.1 ГК РФ и разъяснений, изложенных в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве", необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих конечных бенефициаров является наличие у него фактической возможности давать обязательные для исполнения указания или иным образом определять действия подконтрольных организаций. Осуществление таким бенефициаром фактического контроля возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности.

В этой части, суды, по сути, сочли, что контроль одного и того же лица над обществами "Еврофинанс" и "Астория" должен быть подтвержден лишь прямыми доказательствами, в том числе, исходящими от бенефициара документами, в которых содержатся явные указания, адресованные должнику и кредитору, относительно их деятельности.

Однако конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, не заинтересован в раскрытии своего статуса контролирующего лица. Наоборот, он обычно скрывает наличие возможности оказания влияния. Его отношения с подконтрольными обществами не регламентированы какими-либо нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила, стандарты поведения.

В такой ситуации судам следовало проанализировать поведение лиц, которые, по мнению подателя жалобы, входили в одну группу. О наличии их подконтрольности единому центру, в частности, могли свидетельствовать следующие обстоятельства: действия названных субъектов синхронны в отсутствие к тому объективных экономических причин; они противоречат экономическим интересам одного члена группы и одновременно ведут к существенной выгоде другого члена этой же группы; данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одному и тому же лицу и т.д.

Если заинтересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные свидетельства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными их аргументы о возникновении группы лиц, в силу ст. 65 АПК РФ бремя доказывания обратного переходит на предъявившего требование кредитора, ссылающегося на независимый характер его отношений с должником.

Действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым очередность удовлетворения требований аффилированных (связанных) с должником кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными, понижается.

Вместе с тем в рамках настоящего дела возражения по требованию общества "Астория" не ограничивались лишь утверждением о вхождении данного общества в одну группу лиц с должником. Общество "ПИРРОН" обращало внимание на свободное перемещение активов и транзитный характер движения денежных средств по счетам лиц, образующих группу, в том числе по счету должника. Так, полученное от банка финансирование было незамедлительно перераспределено – изъято из числа активов общества "Еврофинанс" посредством выдачи им займа внутри группы, контролировавшейся Самиевым И.Р., затем при предъявлении банком требования произошло погашение задолженности входящим в группу поручителем с тем расчетом, чтобы возникло суброгационное требование аффилированного лица к обществу "Еврофинанс", при наличии возможности произвести обратное перераспределение ресурсов в пользу заемщика, из оборота которого сумма кредита была изъята изначально.

В обычном обороте аффилированные юридические лица, действующие добросовестно и разумно, не имеют объективных причин взыскивать долги друг с друга, они стремятся оптимизировать внутригрупповую задолженность. Поэтому, в ситуации, когда из оборота одного члена группы был изъят актив в пользу другого члена группы, предполагается, что в основе операции по последующему погашению долга первого перед независимым кредитором лежит договоренность между членами группы, определяющая условия взаиморасчетов.

Если обстоятельства, на которые указывало общество "Пиррон", соответствовали действительности, судам согласно положениям ст. 65 АПК РФ следовало возложить на общество "Астория" бремя опровержения – обоснования разумных причин того, что оно погашало задолженность общества "Еврофинанс" не в счет компенсации за изъятие из ее оборота кредитные ресурсы в пользу одного из членов группы, а как поручитель.

В ситуации, когда независимые кредиторы представили серьезные доказательства и привели убедительные аргументы по поводу того, что именно указанным ими образом выстраивались отношения внутри группы, контролируемой одним и тем же лицом, аффилированный кредитор не может ограничиться представлением минимального набора документов (текста договора и платежных поручений) в

подтверждение реальности суброгационных отношений. Он должен с достаточной полнотой раскрыть все существенные обстоятельства, касающиеся не только заключения и исполнения самой кредитной сделки, но и оснований дальнейшего внутригруппового перенаправления денежных потоков. Нежелание аффилированного кредитора представить дополнительные доказательства, находящиеся в сфере контроля группы, к которой он принадлежит, в силу ст. 9, 65 АПК РФ должно рассматриваться исключительно как отказ от опровержения того факта, на наличие которого со ссылкой на конкретные документы указывают его процессуальные оппоненты.

[Определение ВС РФ от 01.04.2019 № 304-ЭС17-1382 \(8\)](#)

1. В исключительных случаях кредитор может претендовать на включение задолженности в реестр требований кредиторов должника, даже несмотря на то, что требование заявлено с опозданием, то есть после закрытия реестра.

При этом субъективные договоренности сторон (например, цедента и цессионария-кредитора об отсрочке оплаты уступки) нельзя считать объективными обстоятельствами, дающими возможность заявить требования после закрытия реестра без несения негативных последствий.

2. Если конкурсный кредитор после закрытия реестра заявил о залоговом характере своих ранее включенных в реестр требований, неприменимо негативное последствие в виде понижения очередности таких требований, целесообразность учета за реестром залогового статуса данных требований отсутствует, в связи с чем такой кредитор в любом случае не сможет воспользоваться своим привилегированным статусом залогодержателя, а его заявление подлежит оставлению без удовлетворения.

Судами трех инстанций ранее включенное в реестр требование общества "Маркер" в размере 100 000 000 руб. признано обеспеченным залогом имущества должника.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Указанную задолженность, вытекающую из договоров кредитной линии от 03.09.2013 и от 05.05.2014, общество приобрело у АО "Банк Акцепт" по договору уступки прав требования (цессии) от 20.02.2016. Поскольку по кредитному долгу было выдано обеспечение (договоры залога от 05.05.2014 и ипотеки от 15.08.2014), общество "Маркер" как правопреемник банка обратилось с настоящим заявлением об установлении залогового статуса на уже включенное в реестр требование.

На уровне высшей судебной инстанции выработан ряд правовых позиций, согласно которым в исключительных случаях лицо может претендовать на включение задолженности в реестр требований кредиторов юридического лица, даже несмотря на то, что требование заявлено с опозданием, то есть после закрытия указанного реестра (абзац третий пункта 1 статьи 142 Закона о банкротстве).

Подобного рода исключения применяются, как правило, в случаях, когда возможность предъявления требований в двухмесячный срок объективно отсутствовала, в связи с чем и не была реализована кредитором: такой кредитор не должен нести негативные последствия (в виде понижения очередности) за несовершение тех действий, совершить которые он был не в состоянии.

В упомянутых исключениях высшей судебной инстанцией используется юридический прием, согласно которому требование кредитора (несмотря на хронологическое опоздание) считается как бы заявленным в срок, то есть де-факто, такой срок закрытия реестра восстанавливается ввиду наличия у кредитора уважительной причины опоздания, находящейся вне его воли.

В рассматриваемом споре суды исходили из того, что общество "Маркер" объективно не могло заявить о залоговом статусе своего требования в период, пока реестр был открыт; соответствующая возможность появилась только с даты перехода к обществу прав требования по договорам залога и была реализована кредитором в пределах двухмесячного срока с момента такого перехода.

Однако судебная коллегия не может согласиться с названным выводом. Из установленных судами обстоятельств следует, что первоначально как залоговое, так и денежное требования принадлежали одному лицу – АО "Банк Акцепт". Банк и общество "Маркер" согласовали отдельный переход указанных прав: сначала денежные требования, затем (после полной оплаты) – обеспечительные, что само по себе не противоречит положениям статьи 384 ГК РФ.

Однако структурирование отношений подобным образом, в том числе согласование сроков совершения уступок, находилось полностью в воле цедента и цессионария и потому не может быть отнесено к неким

объективным обстоятельствам. Тот факт, что стороны отсрочили переход залогового права к обществу "Маркер" на период после закрытия реестра, не может служить основанием для признания требования заявленным в срок, так как субъективные договоренности двух сторон не должны противопоставляться третьим лицам (иным кредиторам). Банк и общество "Маркер" имели реальную возможность привязать переход залоговых прав к цессионарию в пределах двухмесячного срока, предусмотренного абзацем третьим пункта 1 статьи 142 Закона о банкротстве.

Таким образом, основания для включения залогового требования в реестр отсутствовали.

Из пункта 4 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 "О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя" следует, что требование опоздавшего залогодержателя удовлетворяется преимущественно из суммы, вырученной от продажи предмета залога и оставшейся после погашения требований, включенных в реестр, то есть преимущественно перед иными зарегистрированными требованиями.

Однако в рассматриваемом случае основное (денежное) требование кредитора уже включено в третью очередь реестра, в связи с чем целесообразность учета за реестром залогового статуса данных требований отсутствует. Право на получение выплат в качестве залогодержателя может быть реализовано обществом "Маркер" только при условии удовлетворения всех реестровых требований, к которым относится и его денежное требование. Если все реестровые требования удовлетворены, то прекращается и акцессорное обязательство; если же реестровые требования не удовлетворены либо удовлетворены частично, то конкурсный управляющий не вправе приступать к расчетам с кредиторами, отнесенными за реестр. Поэтому общество "Маркер" в любом случае не сможет воспользоваться своим привилегированным статусом залогодержателя, в связи с чем его заявление подлежит оставлению без удовлетворения.

[Определение ВС РФ от 15.04.2019 № 309-ЭС18-22030](#)

1. Действия кредитора, направленные на повышение вероятности возврата займа посредством получения титульного обеспечения от заемщика (впоследствии банкрота), свидетельствуют о разумности поведения кредитора, что подтверждает его независимый статус по отношению к должнику, наличие у них несовпадающих экономических интересов.

2. Сам по себе факт аффилированности должника и правопреемника кредитора, в том числе на момент возникновения заемных правоотношений, не свидетельствует о том, что цепочка сделок между должником, кредитором и его правопреемником координировалась из одного центра и являлась притворной.

В рамках дела о банкротстве должника (общества "Ресурс") общество "Лоджик Лэнд" обратилось с заявлением о включении своих требований в размере 465 681 218,43 руб. в реестр требований кредиторов должника.

Судами трех инстанций требование признано обоснованным и подлежащим включению в третью очередь реестра требований кредиторов должника.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат оставлению без изменения в связи со следующим.

Между лизинговой компанией (займодавцем) и должником (заемщиком) 01.04.2014 заключен договор целевого займа на сумму 4 761 314 000 руб.

Далее между должником (заказчиком) и обществом "Энекс" (генподрядчиком) заключен договор от 04.04.2014, предметом которого являлось выполнение работ по строительству ТЛК. Всего в адрес генподрядчика заказчик перечислил 4 472 654 515,25 руб. в счет оплаты выполненных работ.

После этого между лизинговой компанией и должником в один день 17.12.2015 заключен договор купли-продажи, а также договор финансовой аренды (лизинга). По условиям договора купли-продажи должник произвел отчуждение ТЛК в пользу лизинговой компании по цене 5 601 502 057,39 руб.

30.03.2016 лизинговая компания уведомила о зачете встречных требований из договора займа от 01.04.2014 и договора купли-продажи на общую сумму 5 246 736 457,39 руб. Впоследствии 01.10.2016 стороны подтвердили состоявшийся зачет, заключив соглашение о прекращении обязательств. В результате проведенного зачета общий размер обязательств общества "Ресурс" перед лизинговой компанией по состоянию на 01.10.2016 составил 354 765 600 руб.

По упомянутому выше договору лизинга от 17.12.2015 (заключенному в один день с договором купли-продажи) лизинговая компания (лизингодатель) передала должнику (лизингополучателю) ТЛК обратно, но

уже в лизинг, с суммой ежемесячных платежей за первый год – 125 млн. руб. Общество "Лоджик Лэнд" выдало лизингодателю поручительство в обеспечение исполнения обязательств общества "Ресурс", вытекающих из названного договора лизинга.

01.10.2016 между должником и лизинговой компанией заключено соглашение о расторжении договора от 17.12.2015. Стороны определили, что на стороне должника лежит завершающая обязанность в размере 465 681 218,43 руб. В ходе налоговой проверки должник пояснял, что основной причиной расторжения договора лизинга являлось отсутствие у него заключенных договоров на оказание экспедиторских (транспортных) услуг, указанные контракты заключались на дочернюю компанию "Лоджик Лэнд", лизинговая компания решила предоставить ТЛК в аренду компании, имеющей прямые договоры на оказание экспедиторских услуг.

Также в день расторжения договора лизинга 01.10.2016 лизинговая компания уступила в пользу общества "Лоджик Лэнд" право требования оплаты упомянутой завершающей обязанности на сумму 465 681 218,43 руб.

Ссылаясь на указанные обстоятельства, общество "Лоджик Лэнд" обратилось в арбитражный суд с настоящим заявлением о включении требований в реестр.

Судами установлено, что спорный объект (ТЛК) возводился на денежные средства, предоставленные лизинговой компанией должнику в 2014 году. При этом стороны изначально предполагали (дополнительное соглашение от 14.04.2014 к договору займа от 04.04.2014), что после возведения ТЛК заем будет погашен посредством продажи данного объекта займодавцу и зачета требований по займу и купле-продаже между собой, что и было сделано впоследствии. Кроме того, стороны изначально предполагали (предварительный договор лизинга от 14.04.2014), что после перехода права собственности на ТЛК в пользу лизинговой компании последняя передаст недвижимость в лизинг обратно должнику, что также было реализовано.

Совокупность названных сделок с учетом обстоятельств, установленных судами, выступления лиц, участвующих в данном обособленном споре, судебная коллегия квалифицирует следующим образом. Заемные отношения в действительности таковыми и являлись. Лизинговая компания фактически кредитовала общество "Ресурс", предоставляя ему финансовую возможность создать ТЛК для последующей эксплуатации в целях извлечения прибыли. Продажа должником имущества с последующим одновременным принятием его в пользование по договору лизинга и необходимостью уплаты в течение определенного периода лизинговых платежей в целях обратного выкупа с экономической точки зрения являлась в данном случае составной частью отношений по обеспечению кредита, полученного от покупателя, с временным предоставлением последнему титула собственника для повышения гарантии возврата финансирования и платы за него в виде процентов, что соответствует действующему законодательству (статья 421 ГК РФ, определение ВС РФ от 23.03.2017 по делу № 307-ЭС16-3765 (4, 5)).

В то же время ни в момент предоставления финансирования, ни в последующие периоды лизинговая компания не обладала признаками формально-юридической аффилированности по отношению к обществу "Ресурс". Иное судами не установлено, соответствующих доводов ни конкурсным управляющим, ни обществом "Энекс" не приведено.

Не имеется и оснований полагать, что аффилированность носила фактический характер. Напротив, кредитор предоставил должнику реальное финансирование, а последующие действия, направленные на повышение вероятности возврата займа посредством получения титульного обеспечения от заемщика, свидетельствуют о разумности поведения кредитора, что подтверждает его независимый статус по отношению к должнику, наличие у них несовпадающих экономических интересов. Отсутствуют основания полагать, что любой независимый кредитор, предоставивший в качестве займа крупную сумму и находящийся в схожих обстоятельствах, действовал бы иным образом, поэтому поведение займодавца ошибочно расценено заявителем кассационной жалобы как подтверждающее его фактическую аффилированность к должнику.

При этом судами установлено, и никто из участников обособленного спора не отрицал, что первоначально должник и общество "Лоджик Лэнд" входили в одну группу лиц, так как в преддверии возбуждения настоящего дела о банкротстве участник должника являлись также и участниками общества "Лоджик Лэнд". Кроме того, ранее участником общества "Лоджик Лэнд" являлся должник (до октября 2016 года).

Однако сам по себе факт аффилированности обществ "Ресурс" и "Лоджик Лэнд", в том числе на момент возникновения как заемных, так и лизинговых отношений, не свидетельствует о том, что цепочка

сделок между лизинговой компанией и данными обществами координировалась из одного центра и являлась притворной.

Коль скоро лизинговая компания выступала в качестве независимого от должника лица, с экономической точки зрения она не должна была заботиться о том, чтобы внутри второй группы лиц доходы и убытки распределялись справедливо и равномерно. Законный интерес лизинговой компании как лица, предоставившего финансирование, должен был заключаться в возврате денежных средств на рыночных условиях, в том числе на основе платности. Более того, судами установлено, что общество "Лоджик Лэнд" предоставило лизинговой компании поручительство в целях обеспечения обществом "Ресурс" исполнения обязательств по спорному договору лизинга, то есть кредитор добился для себя возможности требовать возврата долга с лица, которое извлекало прибыль от эксплуатации спорного имущества, что также указывает на разумность его поведения.

[Определение ВС РФ от 22.04.2019 № 309-ЭС18-23448](#)

При разрешении вопроса о включении требований кредитора в реестр требований кредиторов должника судам надлежит учитывать, что трехлетний срок на предъявление исполнительного листа к исполнению в случае, если такой лист был выдан на принудительное исполнение мирового соглашения, начинается течь с начала просрочки погашения долга (или его соответствующей части) исходя из условия о сроке совершения данного платежа, определенного в мировом соглашении.

Судами первой и апелляционной инстанций требование общества "Ветеран-2" признано обоснованным и подлежащим включению в реестр требований кредиторов в сумме 133 100 364,13 руб. (основной долг) и в сумме 304 317,62 руб. (финансовые санкции) с удовлетворением в третью очередь.

Судом кассационной инстанции в указанной части отказано во включении требований в реестр.

Судебная коллегия полагает, что судебные акты судов трех инстанций подлежат отмене.

Вступившим в законную силу определением арбитражного суда от 26.04.2012 утверждено мировое соглашение, заключенное Сбербанком России и группой юридических лиц, в том числе обществом "Ветеран-2" как одним из солидарных должников, в связи с неисполнением обязательств, вытекающих из ряда кредитных договоров. Впоследствии произведена процессуальная замена Сбербанка России на общество "СБК Уран".

Ввиду неисполнения солидарными должниками условий мирового соглашения, 15.05.2014 и 16.05.2014 получены исполнительные листы на принудительное взыскание задолженности.

Исполнительные производства, возбужденные 04.06.2014, окончены 22.07.2015 по причине отзыва взыскателем исполнительных листов. Затем (06.10.2017) общество "СБК Уран" в рамках дела о банкротстве общества "Ветеран-2" вновь предъявило ему требование, основанное на неисполнении мирового соглашения.

Признавая требование кредитора подлежащим включению в реестр в части основного долга в сумме 133 100 364,13 руб. и финансовых санкций в сумме 304 317,62 руб., суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что данная задолженность подтверждена вступившим в законную силу судебным актом и должником не погашена.

Возражения временного управляющего об истечении трехлетнего срока, отведенного на инициирование процедуры принудительного исполнения определения суда об утверждении мирового соглашения, отклонены судами со ссылкой то, что данный трехлетний срок начал течь заново с 22.07.2015 (со дня прекращения исполнительных производств).

Как следует из постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10.03.2016 № 7-П, если исполнительный документ ранее уже предъявлялся к исполнению, но затем исполнительное производство по нему было окончено в связи с заявлением взыскателя, суды обязаны вычитать из установленной законом общей продолжительности срока предъявления исполнительных документов к исполнению периоды, в течение которых исполнительное производство осуществлялось, начиная с его возбуждения и заканчивая его окончанием в связи с возвращением взыскателю исполнительного документа по его заявлению.

Следовательно, при рассмотрении в деле о банкротстве общества "Ветеран-2" вопроса о соблюдении предельного срока предъявления исполнительного листа к исполнению судам необходимо было сложить два периода:

первый – со дня возникновения права на принудительное исполнение судебного акта и до дня, предшествующего дню возбуждения исполнительного производства;

второй – со дня, следующего за днем окончания исполнительного производства по инициативе взыскателя, и до дня повторного обращения за принудительным исполнением посредством подачи в суд заявления в рамках дела о банкротстве,

а затем выяснить, превысила ли их суммарная продолжительность три года.

Суд округа допустил ошибку, искажившую суть постановления № 7-П. Так, согласно методологии расчета, примененной окружным судом, чем дольше осуществляется первое исполнительное производство, тем меньше времени остается у взыскателя для повторного инициирования процедуры принудительного исполнения, что нельзя признать верным.

Мировое соглашение, заключенное Сбербанком России и солидарными должниками по названному делу, представляет собой сделку, к которой подлежат применению нормы гражданского законодательства о договорах (пункт 9 постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 "О примирении сторон в арбитражном процессе" (далее – постановление № 50)). В рассматриваемом случае стороны этой сделки (Сбербанк (кредитор), заемщики и другие солидарные должники) в порядке статьи 421 ГК РФ согласовали, в частности, условия о новых сроках погашения долговых обязательств, установив соответствующий график платежей по каждому из кредитных договоров, включили в мировое соглашение положения о праве Сбербанка обратиться за получением исполнительного листа на взыскание всей суммы задолженности единовременно (без учета графика платежей) при наступлении определенных соглашением обстоятельств – при нарушении графика платежей, неисполнении обязательств по выплате процентов, зафиксированных в одном из пунктов мирового соглашения, в случае введения в отношении любого из солидарных должников процедуры банкротства.

По общему правилу пункта 1 части 1 статьи 321 АПК РФ, исполнительный лист может быть предъявлен к исполнению в течение трех лет со дня вступления судебного акта в законную силу, или со следующего дня после дня принятия судебного акта, подлежащего немедленному исполнению.

Вместе с тем, при заключении мирового соглашения стороны самостоятельно распоряжаются принадлежащими им материальными правами, они свободны в согласовании любых условий мирового соглашения, не противоречащих федеральному закону и не нарушающих права и законные интересы других лиц. При этом текст мирового соглашения, как правило, содержит согласованные сторонами сведения об условиях, о размере и о сроках исполнения обязательств (пункт 13 постановления № 50, часть 2 статьи 140 АПК РФ).

По смыслу приведенных норм в период до истечения срока, отведенного сторонами мирового соглашения на добровольное исполнение обязательств, зафиксированных в этом мировом соглашении, их принудительное исполнение недопустимо, что отличает мировое соглашение от судебного решения о взыскании денежных средств, которое, по общему правилу, подлежит принудительному исполнению со дня вступления в законную силу, если иное не вытекает из установленного судом порядка или срока исполнения решения, предоставленной судом отсрочки, рассрочки его исполнения (часть 2 статьи 140, статья 142, часть 2 статьи 168, часть 1 статьи 182, часть 1 статьи 324 АПК РФ).

Следовательно, при неисполнении мирового соглашения трехлетний срок предъявления к исполнению исполнительного листа, выданного на основании такого соглашения, содержащего график погашения задолженности, исчисляется отдельно по каждому платежу. Для каждого платежа он начинает течь с начала просрочки погашения соответствующей части долга исходя из условия о сроке совершения данного платежа, определенного в мировом соглашении. При наличии в мировом соглашении положений о праве кредитора досрочно (без учета графика погашения) принудительно истребовать всю сумму задолженности при наступлении определенных соглашением обстоятельств трехлетний срок на принудительное исполнение мирового соглашения в части платежей с ненаступившим сроком исполнения (применительно к графику погашения задолженности) начинает течь с того момента, когда кредитор реализовал право на досрочное истребование всей суммы долга, в том числе посредством направления в арбитражный суд заявления о выдаче исполнительного листа, в котором он явно выразил волю на взыскание непросроченных платежей. В равной мере этот подход применим и в случаях, когда в отсутствие в тексте мирового соглашения условия о праве кредитора потребовать досрочной выплаты всей суммы долга, такое право закреплено в нормах гражданского права о договорах, подлежащих применению к тому или иному мировому соглашению (например, пункт 2 статьи 811 Гражданского кодекса Российской Федерации) (пункт 9 постановления № 50).

Суды не установили начало течения трехлетнего срока, отведенного арбитражным процессуальным законодательством на принудительное исполнение мирового соглашения исходя из его условий и применительно к тем или иным платежам, предъявленным к включению в реестр требований кредиторов общества "Ветеран-2".

[Определение ВС РФ от 25.04.2019 № 305-ЭС17-10167 \(6\)](#)

При рассмотрении заявления гражданина-клиента о включении его требований в реестр требований кредиторов банка-должника необходимо учитывать, что на кредитора при внесении в банк вклада возлагается лишь обязанность проявить обычную в таких условиях осмотрительность при совершении соответствующих действий (заключить договор в здании банка, передать денежные суммы работникам банка, получить в подтверждение совершения операции, опосредующей их передачу, удостоверяющий этот факт документ).

Отсутствие у банка оригиналов документов, подтверждающих внесение гражданином вклада, не может опорочить поведение добросовестного кредитора-гражданина, потому как данные обстоятельства не связаны ни с его волей, ни с его действиями, а полностью зависят от поведения банка как контрагента по сделке. Иное возлагает на граждан-вкладчиков излишне строгий стандарт осмотрительности при заключении соответствующих договоров.

В подобной ситуации возражающему против включения требований гражданина управляющему надлежит опровергнуть доказательства кредитора, в том числе путем проведения экспертизы договоров и приходных кассовых ордеров.

В рамках дела о банкротстве Белоус Ю.В. (кредитор) обратился в арбитражный суд с возражениями на отказ конкурсного управляющего включить его требования в реестр. Суды отказали в удовлетворении заявленных требований.

Как следует из материалов дела требования кредитора были основаны на заключенных между ним и банком договорах валютных вкладов.

Суды пришли к выводу, что в действительности договоры банковского вклада между Белоусом Ю.В. и банком заключены не были.

Рассматривая аналогичный по существу вопрос о признании заключенным договором банковского вклада, Конституционный Суд РФ в постановлении от 27.10.2015 № 28-П указал на необходимость в каждом конкретном случае исследовать разумность и добросовестность в поведении гражданина, требующего от кредитной организации возврата денежных средств.

Выяснение соответствующего рода вопросов, как правило, сопряжено с установлением следующих обстоятельств: обстановка, при которой был подписан договор банковского вклада; наличие у подписавших лиц соответствующих полномочий; оформление внесения денежных средств во вклад; источники происхождения этих средств у вкладчика и т.д.

Позиция кредитора по существу сводилась к следующему. Он лично пришел в здание банка с денежными средствами, договоры банковского вклада были подписаны президентом банка в присутствии Белоуса Ю.В. Ранее между заявителем и должником неоднократно заключались аналогичные (в том числе по форме) соглашения, обязательства по которым банком исполнены. У Белоуса Ю.В. не имелось поводов сомневаться в том, что предложенные формы договоров соответствуют типовым. Какая-либо аффилированность между ним и руководством банка отсутствовала.

Кредитором в материалы дела были представлены оригиналы спорных договоров, а также оригиналы приходных кассовых ордеров, в которых содержится указание на прием средств от Белоуса Ю.В. по соответствующим договорам банковских вкладов.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ на гражданина-вкладчика возлагается лишь обязанность проявить обычную в таких условиях осмотрительность при совершении соответствующих действий (заключить договор в здании банка, передать денежные суммы работникам банка, получить в подтверждение совершения операции, опосредующей их передачу, удостоверяющий этот факт документ (п. 3.2 постановления № 28)).

Если приведенные кредитором доводы о том, как разворачивались события при подписании договоров и внесении денежных средств во вклад, соответствуют действительности, у судов не имелось оснований полагать, что Белоус Ю.В. действовал неразумно и не проявил должной осмотрительности. В данном случае у последнего не могло возникнуть сомнений относительно полномочий лица, представившегося

руководителем кредитной организации и занимающего соответствующий кабинет в здании банка, на подписание договора банковского вклада. Равным образом для действующего разумно вкладчика в целях подтверждения факта внесения вклада согласно буквальному толкованию текста п. 1 ст. 836 ГК РФ достаточно было получения документа, оформленного в соответствии с обычаями, применяемыми в банковской практике, к числу которых может относиться и приходный кассовый ордер (п. 3 постановления № 28).

При этом ссылка судов на то, что экземпляры спорных договоров в банке отсутствуют; номера депозитных счетов, которые открываются для зачисления денежных средств, в представленных заявителем договорах не указаны, а в автоматизированной банковской системе на имя Белоуса Ю.В. такие счета не заводились – сама по себе не может опорочить поведение кредитора, так как данные обстоятельства не связаны ни с его волей, ни с его действиями, а полностью зависят от поведения банка как контрагента по сделке.

Отсутствие у должника в лице конкурсного управляющего сведений о вкладах Белоуса Ю.В. является косвенным доказательством и не исключает возможность одновременно сделать сразу несколько противоречащих друг другу выводов:

— соответствующие сведения были сокрыты от конкурсного управляющего предыдущим менеджментом банка, действовавшим недобросовестно при исполнении своей обязанности по передаче документации;

— соответствующие договоры и иные доказательства не представлены в материалы дела конкурсным управляющим в целях получения дополнительного процессуального преимущества в споре при отстаивании своей позиции, выражающейся в нежелании возвращать вклад (включить вкладчика в реестр);

— такие договоры в действительности никогда не заключались и т.д.

Для последнего из названных выводов необходимо было опорочить доказательства, представленные Белоусом Ю.В. в подтверждение факта заключения соглашений, в частности, посредством проведения экспертизы договоров банковского вклада и приходных кассовых ордеров на предмет их подлинности (ст. 82 АПК РФ), что судами сделано не было.

Равным образом не может быть признана и убедительной ссылка на несоответствие спорных соглашений типовой форме договора банковского вклада, утвержденной руководством банка и применявшейся при заключении аналогичных сделок с большинством вкладчиков. При рассмотрении спора Белоус Ю.В. пояснял, что форма заключаемых с ним договоров не изменялась начиная с 2002 года, аналогичная форма использовалась и в отношениях с иными вкладчиками. Однако судами названные возражения на доводы конкурсного управляющего проверены не были. При этом следует отметить, что по общему правилу на клиента банка не должна возлагаться обязанность соотношения предлагаемой ему формы проекта договора банковского вклада с типовой формой, информация о которой имеется на сайте банка либо во внутренней документации.

Судами также не дана оценка доводам заявителя о том, что из текста имеющихся в материалах дела ордеров сделать вывод о зачислении средств на счета иных лиц невозможно. В текстах ордеров указаны лишь многозначные номера депозитных счетов, на которые производится зачисление средств по приходному кассовому ордеру, без указания владельцев счетов. При этом, вменяя заявителю факт принадлежности этих счетов (согласно внутренней учетной системе банка) иным лицам, суды не указали, какие меры, действуя разумно и добросовестно, при заключении договора должен был предпринять Белоус Ю.В. в целях получения подтверждения о зачислении средств на его счет.

При этом кредитор отмечал, что в представленных им приходных кассовых ордерах содержится указание на прием средств от него лично со ссылкой на соответствующие договоры банковского вклада. Примененный судами подход (закрывающийся в необходимости позаботиться получением информации о том, завел ли банк именно в отношении конкретного клиента счета в своей внутренней системе и имеется ли в приходном кассовом ордере ссылка именно на эти счета, о том, соответствует ли соглашение типовым формам, применяемым банком, и т.д.) возлагает на граждан-вкладчиков излишне строгий стандарт осмотрительности при заключении соответствующих договоров, что не может быть признано отвечающим целям законодательного регулирования.

[Определение ВС РФ от 29.04.2019 № 308-ЭС18-21269](#)

Оформляя заемные отношения путем выдачи заемщиком векселя, стороны связывают реализацию права займодавца на возврат переданных должнику денежных средств с реализацией

права из полученной им ценной бумаги. Такое оформление правоотношений по сути трансформирует задолженность по договору займа в вексельное обязательство. При этом для достижения соответствующих правовых последствий не требуется заключения отдельного соглашения о новации.

При предоставлении суду подлинных ценных бумаг удовлетворению подлежит вексельное требование.

Подобное требование кредитора не подлежит включению в реестр требований кредиторов должника в случае, если кредитор ссылается на самостоятельность заемного и вексельного обязательств, не раскрывая при этом основания их выдачи, потому как удовлетворение требований к должнику из договора займа сохраняет возможность предъявления векселедержателем требования о погашении вексельного долга, что повлечет двойное взыскание ранее предоставленного финансирования.

Между обществом "Бинова" (заимодавцем) и должником (заемщиком) заключен договор займа, по условиям которого заимодавец передает заемщику 500 000 000 руб., а заемщик обязуется вернуть заимодавцу сумму займа и уплатить проценты в срок до 01.12.2017.

В период с 20.11.2015 по 26.08.2016 общество "Бинова" во исполнение условий договора перечислило должнику 207 034 851 руб.

В тот же период должником обществу "Бинова" выданы векселя с оплатой по предъявлении, но не ранее 01.12.2017.

Ссылаясь на неисполнение должником обязательств по договору займа, общество "Бинова" обратилось в арбитражный суд с настоящим заявлением.

Разрешая спор, суд первой инстанции установил следующее. Должником в пользу общества "Бинова" передано 36 векселей на сумму 208 962 659,19 руб., при этом 35 векселей общей номинальной стоимостью 207 034 851 руб. по сумме соответствуют размеру займа, перечисленного обществом "Бинова" должнику.

Отказывая в удовлетворении требования, суд первой инстанции указал на осуществление сторонами неденежной формы погашения займа путем предоставления векселей, что не противоречит условиям договора.

Апелляционный суд, ссылаясь на ст. 414, 807 ГК РФ, исходил из отсутствия доказательств заключения сторонами соглашения о новации заемного обязательства в вексельное. Суд отметил, что поскольку векселя должника в установленном законом порядке в гражданский оборот не введены, сама по себе их передача обществу "Бинова" прекращения обязательства должника по договору займа не влечет. Суд округа с выводами суда апелляционной инстанции согласился.

Возражая против настоящих требований, общество "Мега Пак+7" в том числе приводило доводы о том, что сумма займа соответствовала суммам выданных векселей, то есть фактически, как векселя, так и заемные обязательства опосредовали движение одних и тех же денежных средств, являясь составной частью сложной структуры правоотношения сторон.

Стороны, оформляя свои заемные отношения путем выдачи заемщиком векселя, связывают реализацию права заимодавца на возврат переданных должнику денежных средств с реализацией права из полученной им ценной бумаги. Такое оформление правоотношений по сути трансформирует задолженность по договору займа в вексельное обязательство. При этом вопреки выводам судов апелляционной инстанции и округа для достижения соответствующих правовых последствий не требуется заключения отдельного соглашения о новации.

Таким образом, при предоставлении суду подлинных ценных бумаг удовлетворению подлежало вексельное требование (п. 6 постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 04.12.2000 № 33/14 "О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей").

Общество "Бинова" не оспаривает получение от должника векселей на сумму 144 172 659,19 руб., однако ссылается на самостоятельность заемного и вексельного обязательств, не раскрывая при этом основания их выдачи.

При таких условиях данный довод подлежит отклонению, поскольку в соответствии со сложившейся судебной практикой сущность отношений из сделки, лежащей в основании выдачи векселя, известна и векселедателю, и первому приобретателю как участникам этих отношений, такие отношения следует признать разновидностью отношений личных.

В отсутствие доказательств иных оснований выдачи векселей удовлетворение требования общества "Бинова" к должнику из договора займа сохраняет возможность предъявления векселедержателем требования о погашении вексельного долга, что повлечет двойное взыскание ранее предоставленного финансирования.

Оспаривание сделок должника.

[Определение ВС РФ от 06.03.2019 № 305-ЭС18-22069](#)

1. Поскольку определенная совокупность признаков выделена в самостоятельный состав правонарушения, предусмотренный п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве (подозрительная сделка), квалификация сделки, причиняющей вред, по ст. 10 и 168 ГК РФ возможна только в случае выхода обстоятельств ее совершения за рамки признаков подозрительной сделки.

В противном случае оспаривание сделки по ст. 10 и 168 ГК РФ по тем же основаниям, что и в п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, открывает возможность для обхода сокращенного срока исковой давности, установленного для оспоримых сделок, и периода подозрительности, что явно не соответствует воле законодателя.

2. При наличии доводов о нулевой цене спорной сделки необходимо учитывать, что выгодой по сделке может являться не только приобретение финансового актива, но и потенциальное извлечение пользы из реализации прав, получаемых одновременно с таким активом (к примеру, возможность голосования на собрании кредиторов в своих интересах, определение судьбы имущества банкрота и т.п.).

Общество НПП "Радий" 29.01.2009 продало обществу "ИС Девелопмент" свою 100-процентную долю участия в обществе "Радий".

Задолженность общества "ИС Девелопмент" по оплате приобретенной доли в размере 223 197 641,28 руб., а также 12 226 276,88 руб. процентов за пользование чужими денежными средствами присуждены к взысканию в пользу общества НПП "Радий".

24.08.2011 в отношении общества "ИС Девелопмент" введена процедура банкротства – наблюдение, конкурсное производство в отношении этого общества введено 13.02.2013.

По договору от 03.12.2012 общество НПП "Радий" полностью уступило обществу "Универсалстрой" требование к обществу "ИС Девелопмент" о выплате основного долга и процентов по договору купли-продажи доли в обществе "Радий", за что общество "Универсалстрой" обязалось уплатить обществу НПП "Радий" 223 197 641,28 руб., однако перечислило лишь 121 000 000 руб.

Решением от 08.09.2016 общество "Универсалстрой" признано банкротом по упрощенной процедуре ликвидируемого должника.

В рамках дела о банкротстве общества "Универсалстрой" его конкурсный управляющий, сославшись на ст. 10 и 168 ГК РФ, потребовал признать договор от 03.12.2012 недействительным и применить последствия недействительности спорной сделки, взыскав с общества НПП "Радий" 121 000 000 руб. и проценты за пользование этими денежными средствами.

Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении заявления отказано. Судом округа обособленный спор направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Судебная коллегия полагает постановление суда округа подлежащим отмене.

Законодательство пресекает возможность извлечения сторонами сделки, причиняющей вред, преимуществ из их недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ), однако наличие схожих по признакам составов правонарушения не говорит о том, что совокупность одних и тех же обстоятельств (признаков) может быть квалифицирована как по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, так и по ст. 10 и 168 ГК РФ. Поскольку определенная совокупность признаков выделена в самостоятельный состав правонарушения, предусмотренный п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве (подозрительная сделка), квалификация сделки, причиняющей вред, по ст. 10 и 168 ГК РФ возможна только в случае выхода обстоятельств ее совершения за рамки признаков подозрительной сделки.

В противном случае оспаривание сделки по ст. 10 и 168 ГК РФ по тем же основаниям, что и в п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, открывает возможность для обхода сокращенного срока исковой давности, установленного для оспоримых сделок, и периода подозрительности, что явно не соответствует воле законодателя.

Правовая позиция конкурсного управляющего по существу сводилась к тому, что целью уступки требования, которую осознавали и желали достичь обе стороны, являлся вывод активов общества "Универсалстрой" посредством заключения заведомо невыгодной сделки в ущерб кредиторам общества "Универсалстрой". Невыгодность заключалась в неадекватной цене, поскольку приобретенное требование с высокой степенью вероятности не было бы реализовано в связи с несостоятельностью должника по уступленному требованию. Обстоятельства, выходящие за пределы признаков подозрительной сделки, конкурсным управляющим не указывались.

Следовательно, даже при доказанности всех признаков, на которых настаивал конкурсный управляющий, у судов не было бы оснований для выхода за пределы п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, а для квалификации правонарушения по данной норме отсутствовал как минимум один из обязательных признаков – трехлетний период подозрительности (сделка совершена 03.12.2012, заявление о банкротстве общества "Универсалстрой" принято 06.04.2016), что справедливо отметили суды.

Вопреки доводам конкурсного управляющего, оспариваемой сделкой в принципе не могли быть нарушены права конкурсных кредиторов общества "Универсалстрой", поскольку в правоотношения с обществом "Универсалстрой" они вступили после приобретения должником требования к обществу "ИС Девелопмент" и имели возможность учесть эти обстоятельства при принятии управленческих и хозяйственных решений. Суды также установили, что в момент заключения сделки общество "Универсалстрой" находилось в устойчивом финансовом состоянии, а после нее динамично развивалось.

При оценке доказательств, представленных сторонами обособленного спора, суды первой и апелляционной инстанций признаков сделки, причиняющей вред, не установили. При этом судами отвергнуты доводы конкурсного управляющего о цели причинения вреда кредиторам общества "Универсалстрой". Так, в частности, в судах первой и апелляционной инстанций не подтвердилась безнадёжность финансового положения общества "ИС Девелопмент" на момент заключения сделки для сторон оспариваемой сделки.

Как следствие, несостоятельным явился и довод конкурсного управляющего о явной несоразмерности цены уступленного требования. К тому же конкурсный управляющий не представил в суд каких-либо доказательств, подтверждающих иную цену уступленного требования, отличающуюся от согласованной сторонами договора. Требование о назначении судебной экспертизы для определения этой цены также не заявлялось. Риск наступления последствий несовершенных процессуальных действий лежит на участвующем в деле лице (п. 2 ст. 9 АПК РФ).

Суды не нашли признаков того, что общество "Универсалстрой" преследовало цель причинения вреда своим кредиторам, а также признаков сговора между сторонами сделки на реализацию противоправных целей. Напротив, из поведения общества "Универсалстрой", скупавшего требования к обществу "ИС Девелопмент" в том числе у иных лиц, усматривался коммерческий интерес покупателя, видевшего в декабре 2012 года в сделке по уступке требования определенную для себя выгоду даже с учетом проблемности приобретаемого актива. Так, например, общество "Универсалстрой" могло быть заинтересовано в участии в деле о банкротстве общества "ИС Девелопмент" единолично или в группе кредиторов с общими интересами. Представляется, что оспариванием данной сделки конкурсный управляющий по существу пытается устранить обычный экономический просчет самого общества "Универсалстрой".

Доводы о нулевой цене уступленного требования на момент заключения сделки мотивированы исключительно несостоятельностью общества "ИС Девелопмент". В судах первой и апелляционной инстанций эти предположения мотивированно отклонены ссылками на финансовые документы общества "ИС Девелопмент". К тому же выгода по сделке может заключаться не только в получении финансовой ценности самого актива (требования), но и в потенциальном извлечении пользы из реализации прав, получаемых одновременно с таким активом. В условиях банкротства общества "ИС Девелопмент" это, к примеру, возможность голосования на собрании кредиторов в своих интересах, определение судьбы имущества банкрота и т.п.

Кроме того, нерыночная цена сделки даже при доказанности таковой сама по себе не подтверждает факт дарения. В противном случае любая сделка между коммерческими лицами, в которой договорная цена отличается от рыночной, может быть опорочена по п. 1 ст. 575 ГК РФ в части, касающейся разницы в ценах. Однако это противоречит п. 1 ст. 424 ГК РФ о праве сторон исполнять договор по согласованной ими цене и влечет за собой нивелирование понятия рыночной цены, формируемой на основании усредненного спроса и предложения.

Положения п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве устанавливают лишь презумпции, которые могут быть использованы при доказывании обстоятельств, необходимых для признания сделки недействительной. Недоказанность данных признаков не блокирует возможность квалификации оспариваемой сделки в качестве подозрительной. В частности, цель причинения вреда имущественным правам кредиторов может быть доказана и иным путем, в том числе на общих основаниях.

14.05.2012 между должником (продавцом) и обществом (покупателем) заключен договор купли-продажи (зарегистрирован 02.08.2012), на основании которого к обществу перешло право собственности на нежилое помещение стоимостью 58 102 000 руб.

Полагая, что заключение спорного договора в пределах трех лет до возбуждения дела о банкротстве продавца (20.01.2014) имело своей целью причинение вреда имущественным правам его кредиторов, а также сопровождалось злоупотреблением правом, конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным указанного договора.

Отменяя судебные акты и отказывая в удовлетворении заявления конкурсного управляющего, суд округа принял во внимание выводы об отсутствии у должника признака неплатежеспособности на момент заключения договора. Сославшись на правовые позиции, изложенные в постановлении Президиума ВАС РФ от 17.06.2014 № 10044/11, определениях ВС РФ от 29.04.2016 № 304-ЭС15-20061, от 28.04.2016 № 306-ЭС15-20034, суд округа отметил, что при отсутствии специальных банкротных оснований недействительности (ст. 61.2 и 61.3 Закона) нормы о злоупотреблении правом могут быть применены, только если сделка имела пороки, выходящие за пределы дефектов сделок с предпочтением или подозрительных сделок. Поскольку суды, квалифицировав сделку как ничтожную, не указали, чем в условиях конкуренции норм о недействительности выявленные нарушения выходили за пределы диспозиции п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, суд округа пришел к выводу, что в данном случае условия для применения положений ст. 10 ГК РФ отсутствовали.

Между тем судом округа не учтено следующее.

По смыслу п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве для признания подозрительной сделки недействительной необходима доказанность совокупности следующих обстоятельств: вред имущественным правам кредиторов от совершения сделки, наличие у должника цели причинения вреда и осведомленность другой стороны сделки об указанной цели.

Суд округа вслед за апелляционной инстанцией пришел к выводу об отсутствии специальных оснований недействительности оспариваемой сделки по той причине, что согласно финансовой документации должника в период совершения сделки его активы превышали размер кредиторской задолженности, то есть не имелось признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества продавца. В свою очередь, отсутствие названных признаков, по мнению судов, повлекло недоказанность существования цели причинения вреда кредиторам.

Вместе с тем, из содержания положений п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве можно заключить, что нормы и выражения, следующие за первым предложением данного пункта, устанавливают лишь презумпции, которые могут быть использованы при доказывании обстоятельств, необходимых для признания сделки недействительной и описание которых содержится в первом предложении пункта.

Из этого следует, что, например, сама по себе недоказанность признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества на момент совершения сделки (как одной из составляющих презумпции цели причинения вреда) не блокирует возможность квалификации такой сделки в качестве подозрительной. В частности, цель причинения вреда имущественным правам кредиторов может быть доказана и иным путем, в том числе на общих основаниях (ст. 9 и 65 АПК РФ).

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий ссылался на то, что в реестр включены требования кредиторов, обязательства перед которыми возникли до совершения оспариваемой сделки. Аналогичный довод при рассмотрении настоящего обособленного спора приводил и кредитор ПАО "МОЭК" с указанием конкретного перечня лиц, долг перед которыми возник до 14.05.2012, что было учтено судом первой инстанции при установлении совокупности условий для признания сделки недействительной по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

По мнению судебной коллегии, факт заключения спорной сделки в условиях неисполнения существовавших обязательств перед кредиторами, отчуждение актива по существенно заниженной цене и

аффилированность покупателя – в своей совокупности являлись обстоятельствами, достаточными для определения того, что у должника имелась цель причинения вреда своим кредиторам в результате совершения названной сделки, в связи с чем суд первой инстанции пришел к правильному выводу о наличии у оспариваемой сделки состава подозрительности, предусмотренного п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

При этом следует согласиться с выводами суда округа о том, что в рассматриваемом случае приведенные в основание иска доводы не свидетельствовали о наличии у сделки пороков, выходящих за пределы дефектов сделок с предпочтением или подозрительных сделок, в связи с чем и не имелось оснований для применения положений ст. 10 и 6 168 ГК РФ о злоупотреблении правом.

[Определение ВС РФ от 28.03.2019 г. № 304-ЭС16-17384 \(21\)](#)

При рассмотрении заявления о признании недействительной сделкой погашение задолженности по кредиту, осуществленное путем перечисления денежных средств со счета заемщика по вкладу, открытому в том же банке, судам необходимо установить баланс прав клиентов банка, действующих в преддверии банкротства банка, и иных кредиторов банка – должника. Для правильного разрешения спора суду надлежит исследовать мотивы и основания всей цепочки банковских операций, а также доводы о добросовестности участников сделки.

Между банком и Сотниковым В.В. (заёмщик) были заключены кредитные договоры, а также договор банковского вклада.

08 сентября 2015 г. Сотниковым В.В. со счета по вкладу перечислены денежные средства для досрочного погашения задолженности по кредитным обязательствам перед банком.

24 сентября 2015 г. у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация.

Обращаясь в суд, конкурсный управляющий полагал, что переводы денежных средств со счёта на счёт с целью погашения кредитных обязательств являются недействительными сделками, поскольку повлекли преимущественное удовлетворение требований Сотникова В.В. по обязательствам, возникшим из договора банковского вклада.

Разрешая спор, суды установили, что денежные средства на счет по вкладу Сотникова В.В. были переведены со счета Сотниковой Л.Н. (супруги), которая получила их в результате продажи объекта недвижимости обществу "АБРО-АК", которое, в свою очередь, расплатилось за данный объект недвижимости денежными средствами, зачисленными на свой банковский счет с банковских счетов иных компаний - также клиентов банка.

Все вышеуказанные банковские операции совершены в один день 08.09.2015 и без использования корреспондентского счета банка, то есть являются внутрибанковскими проводками в бухгалтерском учете банка.

Исследовав всю цепочку внутрибанковских операций, суды пришли к выводу о том, что действительное удовлетворение требований с предпочтением возникло на стороне всех привлечённых соответчиков – Сотникова В.В., Сотниковой Л.Н., общества "АБРО-АК" и иных компаний.

Последующее отчуждение обществом "АБРО-АК" объекта недвижимости, приобретённого у Сотниковой Л.Н., в пользу третьих лиц и ликвидация общества "АБРО-АК" повлекли, по мнению судов, невозможность применения надлежащей реституции (возврат объекта недвижимости Сотниковой Л.Н. и взыскание с общества "АБРО-АК" действительной стоимости объекта недвижимости), что послужило основанием для прекращения производства по заявлению конкурсного управляющего в отношении общества "АБРО-АК" и отказа в удовлетворении требований к Сотникову В.В.

Отказывая в применении последствий недействительности сделки в отношении иных компаний, суды исходили из пропуска конкурсным управляющим срока исковой давности, о котором было заявлено данными лицами в ходе рассмотрения спора.

Между тем судами не учтено следующее.

Признавая невозможность применения надлежащей реституции, судами не учтены фактические требования конкурсного управляющего, который указывает на причинение вреда именно оспариваемой сделкой Сотникова В.В. по погашению кредитных обязательств и не имеет каких-либо требований к иным лицам в рамках настоящего спора, констатируя отсутствие признаков причинения вреда внутрибанковскими проводками привлечённых в качестве соответчиков лиц, отношения с которыми Сотников В.В. имел возможность урегулировать в самостоятельном порядке.

В данном случае для признания оспариваемой банковской операции недействительной, совершенной с предпочтением, конкурсному управляющему по общим правилам о доказывании необходимо было подтвердить её выход за пределы обычной хозяйственной деятельности, доказать наличие признаков недобросовестности в поведении участников банковской операции, в том числе Сотникова В.В.

В обоснование выхода операций за пределы обычной хозяйственной деятельности, конкурсный управляющий сослался на то, что эти операции оформлены внутрибанковскими проводками при наличии скрытой картотеки.

Арбитражный управляющий указывал на то, что вследствие отсутствия денежных средств на корреспондентском счете, банк не в состоянии был реально выполнить поручения клиентов по причине неплатежеспособности, а безналичные деньги как записи по счетам утратили свое назначение как средство платежа, в связи с чем действительного исполнения кредитного договора со стороны заемщика не произошло.

В рамках иных обособленных споров по настоящему делу также установлено, что на 03.09.2015 в банке образовалась скрытая картотека непоплаченных платежных документов из-за отсутствия денежных средств на корреспондентском счёте должника.

Указанные обстоятельства, действительно, могли быть приняты во внимание при разрешении вопроса о нетипичности банковской операции для конкретной кредитной организации и (или) ее клиента.

Однако Сотников В.В. приводил свои доводы в опровержение позиции конкурсного управляющего. Как он полагал, в картотеку помещались только отдельные поручения некоторых клиентов, о которых другие клиенты не знали, воспринимая банк как финансово устойчивую кредитную организацию.

Суды установили, что в день совершения оспариваемых банковских операций Сотниковой Л.Н. было произведено отчуждение объекта недвижимости (совместной собственности супругов) в пользу общества "АБРО-АК", за приобретение которого общество "АБРО-АК" перевело на счет Сотниковой Л.Н. в банке 5 033 000 рублей. Как указывает Сотников В.В. в представленном отзыве, на момент совершения данной сделки супруги Сотниковы исходили из того, что получили от общества "АБРО-АК" реальные денежные средства.

При наличии осведомленности о том, что оплата за отчужденный актив стоимостью около 5 миллионов рублей является фактически безденежной, супруги Сотниковы не завершили бы сделку и не обратились бы в регистрирующий орган за последующей государственной регистрацией перехода права собственности на нежилое помещение к обществу "АБРО-АК".

О добросовестности супругов Сотниковых, по их мнению, свидетельствует также то, что они направили все имевшиеся на их счетах в банке денежные средства на совершение оспариваемых операций (погашение кредитных обязательств перед банком), тем самым лишив себя гарантированных страховых сумм по вкладам физических лиц и счетам индивидуальных предпринимателей. Отчуждение ликвидного актива по заведомо безденежной сделке является абсурдным и явно экономически нецелесообразным.

В рассматриваемом споре судам необходимо было установить баланс прав клиентов банка, действующих в преддверии банкротства банка, с одной стороны, и иных кредиторов банка – должника, с другой.

Для правильного разрешения настоящего спора необходимо исследование обстоятельств, касающихся движения денежных средств, задействованных при осуществлении спорных платежей по исполнению Сотниковым В.В. своих кредитных обязательств, то есть исследовать мотивы и основания всей цепочки банковских операций по счёту Сотникова В.В., связанных с погашением им кредитных обязательств перед банком.

Несмотря на констатацию возникновения цепочки банковских операций, которые привели к погашению кредитных обязательств Сотникова В.В. перед банком, вышеуказанные доводы о добросовестности участников данных операций и совершения их в ходе обычной хозяйственной деятельности не нашли своей оценки в обжалуемых судебных актах.

[Определение ВС РФ от 28.03.2019 г. № 307-ЭС18-21620](#)

Нарушения внутренних банковских правил выдачи банковской гарантии сами по себе не влекут ее недействительность и не должны влиять на права бенефициара. Бенефициару достаточно формально исполнить требования, изложенные в банковской гарантии, своевременно предоставив банку соответствующий комплект документов, чтобы получить право требовать выплаты по гарантии.

Однако в условиях банкротства банка данное правило действует только в том случае, когда бенефициар является лицом, не осведомленным о связях гаранта с принципалом, об условиях соглашения о выдаче банковской гарантии и не влиявшим на них. Если же бенефициар был осведомлен о том, что при выдаче гарантии имело место злоупотребление правом и менеджмент банка-гаранта действовал в ущерб интересам банка, имеются основания для признания сделки выдачи гарантии недействительной.

Компания "Марция" (займодавец) и "Эс-Пи-Ар" (заемщик) заключили договор займа. В обеспечение обязательства по возврату займа инвестбанк 02.02.2015 выдал банковскую гарантию со сроком действия по 28.02.2025.

На основании приказа Центрального Банка РФ в отношении инвестбанка введена процедура предупреждения банкротства, функции временной администрации по управлению инвестбанком возложены на агентство, полномочия органов его управления временно приостановлены.

Сославшись на неисполнение компанией "Эс-Пи-Ар" своих обязательств, компания "Марция" в одностороннем порядке расторгла договор займа, в связи с чем 10.02.2016 предъявила инвестбанку письменное требование об уплате задолженности.

Инвестбанк в лице агентства отказал в выплате, сославшись на ст. 102 и 189 Закона о банкротстве, что явилось поводом для обращения компании "Марция" в арбитражный суд с требованием о взыскании задолженности по банковской гарантии.

Инвестбанк предъявил встречный иск о признании банковской гарантии недействительной.

Удовлетворив первоначальный иск, суды установили наличие правовых оснований для выплаты банковской гарантии бенефициару, поскольку бенефициаром (компанией "Марция") соблюдены условия банковской гарантии. Суды не нашли правовых оснований ни для отказа гаранта в удовлетворении требований бенефициара по п. 1 ст. 376 ГК РФ, ни для признания банковской гарантии недействительной и сочли неправомерным отказ инвестбанка в выплате по банковской гарантии со ссылкой ст. 102 и 189.30 Закона о банкротстве.

В связи с этим суды правомерно исходили из того, что нарушения внутренних банковских правил выдачи банковской гарантии, на которые ссылался инвестбанк, сами по себе не влекут ее недействительность и не должны влиять на права компании "Марция" как бенефициара, тем более, что компания "Марция" лично удостоверилась в факте выдачи инвестбанком банковской гарантии.

Суды также правомерно пришли к выводу о том, что бенефициару достаточно формально исполнить требования, изложенные в банковской гарантии, своевременно предоставив банку соответствующий комплект документов.

Однако, согласиться с данными выводами можно только в том случае, если компания "Марция" действительно являлась лишь сторонним бенефициаром, то есть лицом, не осведомленным о связях гаранта с принципалом, об условиях соглашения о выдаче банковской гарантии и не влиявшим на них.

Позиция инвестбанка помимо прочего сводилась к тому, что лица, контролировавшие банк и управлявшие им до санации (Рыдник Ю.Е. и Егiazаров В.В.), приняли решение о выдаче банковской гарантии по обязательствам компании "Эс-Пи-Ар", подконтрольной Рыднику Ю.Е., то есть, по существу, в своих интересах. При этом банковская гарантия выдавалась на безвозмездной основе, что противоречило существу предпринимательской деятельности (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Инвестбанк указывал, что условия выдачи банковской гарантии обсуждались и принимались Рыдником Ю.Е. и Егiazаровым В.В. при непосредственном участии компании "Марция", поэтому последняя должна была знать как о безвозмездности сделки, так и о том, что менеджеры банка фактически обеспечивали личный финансовый интерес в ущерб интересам контролируемого ими банка, принявшего долговые обязательства на сумму, превышающую 12 миллионов евро, и не получившего какого-либо встречного предоставления.

Любое разумное и добросовестное лицо не могло не поинтересоваться причиной такого поведения менеджеров банка и соотнести его с требованиями закона и обычаев делового оборота в этой сфере банковской деятельности.

Если указанные инвестбанком обстоятельства соответствовали действительности, то поведение компании "Марция", принявшей гарантию и предъявившей требование по ней, то есть воспользовавшейся тем, что контролирующая кредитную организацию лица при выдаче гарантии действовали явно в ущерб подконтрольному им банку, следовало квалифицировать как недобросовестное (злоупотребление правом).

Участие компании "Марция" в сделке по реализации противоправного интереса не должно давать ей судебной защиты (п. 4 ст. 1, п. 2, 3 ст. 10 ГК РФ, п. 1 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ").

При этом, орган управления санлируемого банка осуществляет функции антикризисного управляющего, в силу чего его полномочия по оспариванию сделок аналогичны полномочиям конкурсного. В связи с этим вопреки выводам нижестоящих судов течение исковой давности по требованию о признании оспоримой сделки недействительной по общим основаниям начинается не ранее дня потенциальной осведомленности органа управления банка, назначенного для процедуры санации, об обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной (п. 2 ст. 181 ГК РФ).

Срок исковой давности по требованию руководителя временной администрации финансовой организации о признании сделки недействительной по основаниям, предусмотренным ст. 61.2 Закона о банкротстве, исчисляется со дня, когда временная администрация узнала или должна была узнать о наличии таких оснований, а также о наличии у финансовой организации признаков банкротства, в зависимости от того, какое из событий наступило позднее (п. 8 ст. 61.9 Закона о банкротстве).

Временная администрация в отношении инвестбанка введена 24.12.2015. Исковая давность не могла начать течь раньше этого времени. Встречный иск предъявлен 12.05.2016, то есть в пределах годичного срока исковой давности.

[Определение ВС РФ от 08.04.2019 № 305-ЭС18-22264](#)

Наличие корпоративных либо иных связей между поручителем (залогодателем) и заемщиком объясняет мотивы совершения сделок, обеспечивающих исполнение кредитных обязательств. Внутренние отношения указанных солидарных должников, лежащие в основе предоставления ими обеспечения друг за друга, могут быть как юридически формализованными (юридически закрепленная аффилированность по признаку вхождения в одну группу лиц или совместные действия на основе договора простого товарищества и т.д.), так и фактическими (фактическая подконтрольность одному и тому же бенефициару либо фактическое участие неаффилированных заемщика и поручителя (залогодателя) в едином производственном и (или) сбытовом проекте, который объективно нуждается в стороннем финансировании и т.д.).

При кредитовании одного из названных лиц банк оценивает кредитные риски посредством анализа совокупного экономического состояния заемщика и всех лиц, предоставивших обеспечение, что является стандартной банковской практикой. Поэтому само по себе получение кредитной организацией обеспечения не свидетельствует о наличии признаков неразумности или недобросовестности в ее поведении и в ситуации, когда совокупные активы всех лиц, выдавших обеспечение, соотносятся с размером задолженности заемщика, но при этом каждый из связанных с заемщиком поручителей принимает на себя обязательства, превышающие его финансовые возможности. Выстраивание отношений подобным образом указывает на стандартный характер поведения как банка – кредитора, так и его контрагентов.

В рамках дела о банкротстве управления Центркомбанком (в лице ГК АСВ) обратился в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов управления денежного требования Центркомбанка в размере 2 491 852 962,8 руб., основанного на договорах поручительства.

В свою очередь, конкурсный управляющий управления подал встречное заявление о признании недействительными договоров поручительства, заключенных управлением и Центркомбанком в обеспечение исполнения обязательств третьих лиц.

Судами трех инстанций обеспечительные сделки признаны недействительными, денежное требование Центркомбанка к управлению – необоснованным.

Судебная коллегия считает, что судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Управление поручилось за надлежащее исполнение обязательств перед Центркомбанком ряда заемщиков - обществ с ограниченной ответственностью.

Центркомбанк сослался на то, что в связи с неисполнением упомянутыми заемщиками обязательств по возврату кредитов и уплате процентов, общая непогашенная задолженность, обеспеченная поручительством, составила 2 491 852 962,8 руб.

Исходя из того, что спорные сделки заключены менее чем за год до возбуждения дела о банкротстве, а также что на момент их совершения у управления возникли обязательства на сумму свыше 800 млн. руб.,

суды сочли, что стороны обеспечительных сделок действовали недобросовестно (в том числе, Центркомбанк, проявивший грубую неосмотрительность (не проверивший финансовое состояние поручителя)), что выразилось в безосновательном создании новых акцессорных обязательств, приведших к увеличению общей суммы требований к управлению и, как следствие, к причинению убытков существующим кредиторам.

Согласно сложившейся судебной арбитражной практике наличие корпоративных либо иных связей между поручителем (залогодателем) и заемщиком объясняет мотивы совершения сделок, обеспечивающих исполнение кредитных обязательств. Внутренние отношения указанных солидарных должников, лежащие в основе предоставления ими обеспечения друг за друга, могут быть как юридически формализованными (юридически закреплённая аффилированность по признаку вхождения в одну группу лиц или совместные действия на основе договора простого товарищества и т.д.), так и фактическими (фактическая подконтрольность одному и тому же бенефициару либо фактическое участие неаффилированных заемщика и поручителя (залогодателя) в едином производственном и (или) сбытовом проекте, который объективно нуждается в стороннем финансировании и т.д.).

При кредитовании одного из названных лиц банк оценивает кредитные риски посредством анализа совокупного экономического состояния заемщика и всех лиц, предоставивших обеспечение, что является стандартной банковской практикой. Поэтому само по себе получение кредитной организацией обеспечения не свидетельствует о наличии признаков неразумности или недобросовестности в ее поведении и в ситуации, когда совокупные активы всех лиц, выдавших обеспечение, соотносятся с размером задолженности заемщика, но при этом каждый из связанных с заемщиком поручителей принимает на себя обязательства, превышающие его финансовые возможности. Выстраивание отношений подобным образом указывает на стандартный характер поведения как банка – кредитора, так и его контрагентов.

Как разъяснено в пункте 12.2 постановления № 63, наличие у юридического лица статуса кредитной организации, не может рассматриваться как единственное и достаточное обоснование того, что оно знало или должно было знать о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника (пункт 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве); оспаривающее сделку лицо должно представить конкретные доказательства недобросовестности кредитной организации.

В рассматриваемом случае Центркомбанк ссылался на то, что заемщики, управление и другие лица, предоставившие обеспечение наравне с управлением, так или иначе входили в группу компаний "Волгомост", активы которой в соответствии с бухгалтерской отчетностью по состоянию на 01.01.2015 составляли около 62 млрд. рублей, что свидетельствовало о наличии разумных экономических причин выбора ими сложившейся модели кредитования. Агентство обращало внимание на то, что у него не могли возникнуть обоснованные сомнения по поводу неблагоприятного финансового состояния управления (сомнения относительно возникновения у управления признаков недостаточности имущества или неплатежеспособности), поскольку деятельность управления согласно его отчетности являлась прибыльной. В ходе рассмотрения обособленного спора суды установили, что показатели балансов управления свидетельствовали о положительной величине чистых активов (о превышении активов управления над обязательствами). Центркомбанк указывал на то, что операции по расчетному счету управления осуществлялись в обычном режиме, отсутствовала картотека неисполненных платежных документов, предъявленных к этому счету. По мнению Центркомбанка, он не имел намерения добиваться исполнения только от одного отдельного поручителя (управления), справедливо полагая, что риск неисправности заемщиков будет разделен всеми членами группы и имеющими к ней отношение субъектами.

Судами не учтено, что сделки поручительства и залога обычно не предусматривают встречного исполнения со стороны кредитора в пользу предоставившего обеспечение лица. Поэтому не имелось оснований ожидать, что Центркомбанк должен был заботиться о выгоде спорных сделок для поручителя.

[Определение ВС РФ от 25.04.2019 № 308-ЭС18-16370 \(2\)](#)

1. Само по себе неоднократное снятие клиентом со своего счета в банке-должнике денежных средств не свидетельствует об опровержении презумпции, установленной пп. 2 п. 5 ст. 189.40 Закона о банкротстве. В данном случае необходимо проверить на момент снятия денежных средств со счета наличие требований иных клиентов банка той же очереди (в том числе с ненаступившим сроком исполнения), которые в настоящий момент включены в реестр и не удовлетворены в рамках мероприятий конкурсного производства. Если в результате совершения спорных сделок клиенту

действительно оказано предпочтение, судам следовало проверить выход сделок за пределы обычной хозяйственной деятельности.

2. Признаки неплатежеспособности или недостаточности имущества кредитной организации должны устанавливаться исходя из необходимости соблюдения предписаний регулятора о формировании резервов на возможные потери по ссудной и приравненной к ней задолженности. В противном случае может сложиться ложная видимость финансового благополучия банка в отношении исследуемого периода, что искусственно исключает возможность оспаривания сделок по правилам п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании операций по выдаче банком Аверину К.М. наличных денежных средств недействительными сделками и о применении последствий их недействительности. Три инстанции отказали в удовлетворении заявления.

Как установлено судами, 01.03.2016, 29.03.2016 и 30.03.2016 Аверину К.М. были выданы наличные денежные средства.

На момент совершения данных операций Аверин К.М. являлся единственным участником должника.

14.04.2016 у должника отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация.

Отказывая в признании спорных сделок недействительными, суды указали на недоказанность наличия у должника в спорный период признаков неплатежеспособности либо недостаточности имущества.

При этом суды исходили из того, что в спорный период должник осуществлял текущую деятельность, имея действующую лицензию на совершение банковских операций, картотека неоплаченных в срок расчетных документов отсутствовала, арестов и иных ограничений распоряжения счетами ответчика не имелось.

Суды также установили, что подобные операции по снятию Авериним К.М. денежных средств неоднократно имели место в отношениях между сторонами, в связи с чем пришли к выводу о совершении сделок в процессе обычной хозяйственной деятельности банка.

Между тем судами не учтено следующее.

В рассматриваемом случае временная администрация по управлению должником назначена 14.04.2016, соответственно, спорные сделки совершены в разные периоды предпочтительности: сделки от 29.03.2016 и 30.03.2016 – в течение месяца, а остальные сделки от 01.03.2016 – в пределах шести месяцев до назначения временной администрации.

1. Для признания недействительными сделок из первой группы истцу необходимо доказать лишь оказание предпочтения ответчику по сравнению с иными кредиторами той же очереди (п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве); для сделок из второй группы – дополнительно к предпочтению необходимо подтвердить наличие признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества должника на момент совершения сделок и осведомленность ответчика об этих признаках (п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве).

По смыслу п. 4 ст. 189.40 Закона о банкротстве в случае оспаривания на основании ст. 61.3 данного закона сделок по выдаче наличных денежных средств со счета клиента бремя доказывания выхода сделок за пределы обычной хозяйственной деятельности кредитной организации лежит на истце (конкурсном управляющем), что по сути означает наличие презумпции совершения кредитной организацией подобного рода сделок в рамках обычной хозяйственной деятельности.

Следовательно, в дополнение к обстоятельствам, входящим в предмет доказывания по правилам ст. 61.3 Закона о банкротстве, истец должен доказать выход сделок, совершенных как в месячном, так и в шестимесячном интервале до назначения временной администрации, за пределы обычной хозяйственной деятельности банка.

Суды не установили, имелись ли на момент снятия Авериним К.М. денежных средств со счета требования иных клиентов банка той же очереди (в том числе с ненаступившим сроком исполнения), которые в настоящий момент включены в реестр и не удовлетворены в рамках мероприятий конкурсного производства. Если в результате совершения спорных сделок Аверину К.М. действительно оказано предпочтение, судам следовало проверить выход сделок за пределы обычной хозяйственной деятельности.

Вопреки выводам судов само по себе неоднократное совершение ранее подобных сделок между сторонами не свидетельствует об опровержении презумпции, установленной пп. 2 п. 5 ст. 189.40 Закона о банкротстве, учитывая, что конкурсный управляющий приводил доводы о снятии Авериним К.М. остатка денежных средств по вкладам досрочно, чему суды также не дали оценку.

2. Относительно операций от 01.03.2016 и соответственно доказывания признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества должника необходимо указать следующее.

Значимость кредитных организаций в системе экономических отношений обуславливает определенные особенности их функционирования, заключающиеся, в частности, в необходимости повышенного контроля за их финансовой устойчивостью. Для этих целей регулятор в том числе предписывает формировать резервы на возможные потери по ссудам, по ссудной и приравненной к ней задолженности (в момент совершения сделок такие предписания были закреплены в соответствующем Положении Банка России от 26.03.2004 № 254-П).

Таким образом, признаки неплатежеспособности или недостаточности имущества кредитной организации должны устанавливаться исходя из необходимости соблюдения таких предписаний. В противном случае может сложиться ложная видимость финансового благополучия банка в отношении исследуемого периода, что искусственно исключает возможность оспаривания сделок по правилам п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве.

Из материалов дела следует, что в спорный период (март-апрель 2016 г.) в отношении должника Банком России проводились надзорные мероприятия, по результатам которых 01.04.2016 Банком России в адрес должника направлено предписание о необходимости доформирования обязательных резервов, введено ограничение на осуществление банковских операций на привлечение денежных средств физических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также на открытие банковских счетов названным лицом.

В связи с этим вывод судов относительно неплатежеспособности (или недостаточности имущества) должника только лишь исходя из остатков денежных средств на корсчетах без учета финансового состояния банка при соблюдении специальных нормативов и предписаний, также основан на неполном выяснении судами всех обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения спора.

Субсидиарная ответственность лиц при банкротстве, взыскание убытков.

[Определение ВС РФ от 05.03.2019 № 305-ЭС18-15540](#)

1. Арбитражный суд не связан правовой квалификацией заявленных требований, а должен рассматривать иск (в том числе заявление о привлечении к субсидиарной ответственности), определяя по своей инициативе какие именно нормы права подлежат применению в конкретном спорном правоотношении. Отказ в иске в связи с ошибочной квалификацией недопустим, поскольку не обеспечивает соблюдение баланса интересов сторон.

2. Объективная невозможность реализации предусмотренных законодательством о договорах механизмов восстановления нарушенного права не исключает, при наличии к тому достаточных оснований, обращение за взысканием компенсации имущественных потерь в порядке, предусмотренном для возмещения внедоговорного вреда (ст. 1064 ГК РФ), с лица, действия (бездействие) которого с очевидностью способствовали нарушению абсолютного права другого лица и возникновению у него убытков. Таким образом, факт наличия права требования к одному лицу не может освобождать от ответственности другое лицо (другие лица) за тот же вред.

3. Для целей возмещения убытков по смыслу ст. 1064 ГК РФ необходимо наличие убытков у потерпевшего лица, противоправности действий причинителя и причинно-следственной связи между данными фактами. При этом противоправное поведение (в частности, умышленный обман контрагента) лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа, или иного представителя, повлекшее причинение вреда третьим лицам, может рассматриваться в качестве самостоятельного состава деликта.

4. Факт завершения конкурсного производства не лишает кредитора, не получившего удовлетворения своих требований в процедуре банкротства, возможности обратиться в суд с заявлением о взыскании с сотрудников и участников компании-должника, совершивших обман кредитора при заключении договора (предоставивших банку-кредитору недостоверную информацию о финансовом состоянии своей компании), убытков в порядке применения общих правил деликтного права. Тот факт, что сама сделка не была оспорена по правилам ст.179 ГК, не препятствует взысканию деликтным иском убытков, причиненных обманом. При этом, при разрешении требований банка суду надлежит проверить, являлись ли осмотрительными действия самого истца при выдаче кредита и осуществлении им экспертизы сведений, предоставленных ответчиками (п. 2 ст. 1083 ГК РФ).

Банк, ссылаясь на положения ст.15 ГК РФ, ст. 10, 61.2, 61.3 Закона о банкротстве, обратился в арбитражный суд с исковым заявлением о привлечении контролирующих должника лиц в солидарном порядке к субсидиарной ответственности.

Судами трех инстанций в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия полагает судебные акты подлежащими отмене.

Решением от 26.06.2013 единственного участника общества Ерменевой Ю.Г. одобрено заключение двух кредитных договоров с банком на общую сумму 550 000 000 рублей.

Банком и обществом 08.07.2013 заключен договор о предоставлении кредитной линии в размере 500 000 000 руб.

Истец в соответствии с дополнительными соглашениями от 16.07.2013 и от 29.08.2013 предоставил обществу соответственно 200 000 000 и 300 000 000 рублей.

В период с 11.10.2011 по 24.12.2013 обязанности генерального директора и главного бухгалтера общества исполняла Агаева Л.Н., а с 28.12.2013 на указанные должности назначена Ягупова М.С.

Агаевой Л.Н. и Ягуповой М.С. банку представлялись бухгалтерские балансы, из которых следовало, что у общества имеются значительные (по сумме превышающие сумму займа) оборотные активы в виде запасов, а также дебиторская задолженность общества "Белт" и общества "Ремень".

Решением арбитражного суда от 10.11.2015 общество признано несостоятельным (банкротом), в отношении него введена процедура конкурсного производства сроком на шесть месяцев. Конкурсным управляющим из переданной документации установлено, что у должника имеется задолженность перед обществом "Белт" и обществом "Ремень", у которых отсутствуют какие-либо долги перед обществом (требования общества "Белт" к должнику на сумму 579 995 860,92 руб. включены в реестр требований кредиторов; требования общества "Ремень" на сумму 10 005 859,7 руб. также включены в реестр требований кредиторов).

Общество частично осуществило возврат кредита в размере 17 620 000 руб., а также уплатило 55 309 056,15 руб. процентов.

Определением арбитражного от 24.07.2015 требования банка включены реестр требований кредиторов должника (третья очередь) в общей сумме 504 274 930,99 руб.

Определением арбитражного суда от 12.05.2016 конкурсное производство в отношении общества завершено; требования банка не удовлетворены.

В ЕГРЮЛ 20.07.2016 внесена запись о ликвидации общества.

Право на возмещение убытков возникает у кредитора как из нарушения договорного обязательства (ст. 393 ГК РФ), так и из деликтного обязательства (ст. 1064 ГК РФ).

В пункте 40 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2018), утвержденного Президиумом ВС РФ 14.11.2018), указано на то, что право на возмещение убытков возникает у кредитора как из нарушения договорного обязательства (ст. 393 ГК РФ), так и из деликтного обязательства (ст. 1064 ГК РФ); объективная невозможность реализации предусмотренных законодательством о договорах механизмов восстановления нарушенного права не исключает, при наличии к тому достаточных оснований, обращение за взысканием компенсации имущественных потерь в порядке, предусмотренном для возмещения внедоговорного вреда (ст. 1064 ГК РФ), с лица, действия (бездействие) которого с очевидностью способствовали нарушению абсолютного права другого лица и возникновению у него убытков.

Таким образом, факт наличия права требования к одному лицу не может освобождать от ответственности другое лицо (другие лица) за тот же вред.

Банком в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества было заявлено требование, вытекающее из договора кредита, которое не удовлетворено, что не лишает его права на обращение с требованием о возмещении убытков в порядке ст. 1064 ГК РФ к лицам, причинившим своими действиями такой вред.

В п. 9 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой ГК РФ" разъяснено, что, если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения. В соответствии со ст. 133 АПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора (абзац второй). По смыслу ч. 1 ст. 168 АПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным

обстоятельствам. Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле. В связи с этим ссылка истца в исковом заявлении на не подлежащие применению в данном деле нормы права сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования (абзац третий).

Таким образом, арбитражный суд не связан правовой квалификацией истцом заявленных требований (спорных правоотношений), а должен рассматривать иск исходя из предмета и оснований (фактических обстоятельств), определяя по своей инициативе круг обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора и подлежащих исследованию, проверке и установлению по делу, а также решить, какие именно нормы права подлежат применению в конкретном спорном правоотношении.

Отказ в иске в связи с ошибочной квалификацией недопустим, поскольку не обеспечивает разрешение спора, определенность в отношениях сторон, соблюдение баланса их интересов, не способствует максимально эффективной защите прав и интересов лиц, участвующих в деле.

Для целей возмещения убытков по смыслу ст. 1064 ГК РФ необходимо наличие убытков у потерпевшего лица, противоправности действий причинителя и причинно-следственной связи между данными фактами. При этом противоправное поведение (в частности, умышленный обман контрагента) лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа, или иного представителя, повлекшее причинение вреда третьим лицам, может рассматриваться в качестве самостоятельного состава деликта.

Кроме того, при разрешении требований банка суду надлежит проверить, являлись ли осмотрительными действия самого истца при выдаче кредита и осуществлении им экспертизы сведений, предоставленных ответчиками (п. 2 ст. 1083 ГК РФ).

Отказывая в удовлетворении требований, суды в качестве одного из оснований сослались на отсутствие доказательств оспаривания сделки в порядке, предусмотренном ст. 178, 179 ГК РФ.

Согласно разъяснениям, приведенным в абз. 6 п. 13 информационного письма Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162, которым утвержден "Обзор практики применения арбитражными судами ст. 178 и 179 ГК РФ", в случае наличия у сделки пороков, перечисленных в ст. 179 ГК РФ, потерпевший вправе требовать возмещения причиненных ему убытков по правилам ст. 1064 ГК РФ.

Залог и поручительство при банкротстве.

Определение ВС РФ от 01.04.2019 № 308-ЭС18-21322

При разрешении вопроса об очередности залогов следует учитывать, что залог может быть признан последующим в том случае, если исполнение обеспеченных им обязательств по кредитному договору предшествовало исполнению обязательств по другому кредитному договору, и обязательства по первому договору не были исполнены.

В случае, если обязательства по предшествующему кредитному договору были исполнены, залоговое старшинство в отношении предмета ипотеки принадлежит залогодержателю-кредитору по последующему кредитному договору либо лицу, получившему права такого кредитора.

Судами трех инстанций требования фонда включены в третью очередь реестра требований кредиторов должника в размере 2 012 220,54 руб. как обеспеченные залогом на правах последующего залогодержателя.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене в части признания фонда последующим залогодержателем по следующим основаниям.

Между банком (кредитором) и должником (заемщиком) заключен кредитный договор от 12.10.2010 № 50, по условиям которого кредитор обязался открыть заемщику невозобновляемую кредитную линию сроком до 10.09.2015 с лимитом в сумме 5 500 000 руб.

В целях обеспечения исполнения обязательств по возврату кредитных средств между банком (залогодержателем) и заемщиком (залогодателем) заключены договоры залога от 12.10.2010 № 50/з-1 и от 24.02.2011 № 50/з-4, в соответствии с которыми в залог было передано движимое имущество и земельный участок.

Кроме того, в обеспечение кредитных обязательств заемщика фонд предоставил поручительство (договор поручительства от 12.10.2010 № 123), по условиям которого ответственность поручителя является субсидиарной и ограничена суммой в размере 2 740 000 руб., что составляет 49,81 % от фактически полученной суммы кредита за период с 31.01.2011. Впоследствии банк предоставил кредит обществу "Вектор-Инвест" кредитный договор от 27.07.2011 № 173.

В обеспечение исполнения обязательств по этому кредиту, а также по кредитному договору № 50 между банком (залогодержателем) и должником (залогодателем) заключен договор ипотеки № 173, по условиям которого в залог передан названный выше земельный участок, а также возведенный на нем к этому моменту объект незавершенного строительства.

Стороны пришли к соглашению о том, что с момента вступления в силу договора ипотеки № 173 считается расторгнутым договор залога № 50/з-4.

После образования за должником задолженности по кредитному договору № 50, в 2014-2015 г. фонд как поручитель уплатил ссудную задолженность в размере 2 012 220,54 руб. Данные денежные средства были впоследствии взысканы в пользу фонда.

Из установленных судами обстоятельств очевидно следует, что расторжение договора ипотеки № 50/з-4 связано не с тем, что банк отказался от права залога, возникшего в 2012 году, а сопряжено с распространением обеспечения на оба кредитных соглашения. Таким образом, залог по кредитному договору № 50 с момента его возникновения и до настоящего времени не прекращался.

Как кредитором, так и залогодержателем по обоим кредитным договорам и договорам залога являлся банк. В подобной ситуации залоговое старшинство определяется не по общим правилам, привязанным к дате внесения записи в Единый государственный реестр недвижимости.

Кредитным договором № 50 был установлен график погашения задолженности, согласно которому первый платеж должен был быть осуществлен в апреле 2011 года, а последний – в сентябре 2015 года. Кредитным договором № 173 предусмотрено, что первый платеж должен был быть выполнен в августе 2011 года, а последний – в июле 2016 года. Следовательно, срок исполнения обязательств по кредитному договору № 50 предшествовал аналогичному сроку по договору № 173, в связи с чем ипотека, обеспечивающая исполнение обязательств по первому соглашению, является предшествующей по отношению к ипотеке, обеспечивающей исполнение обязательств по второму договору. На существование соглашений между залогодателем и залогодержателем, регулирующих отношения сторон иным образом, лица, участвующие в деле, не ссылались.

В связи с этим в течение всего периода, пока банк оставался единственным залогодержателем, выручка от реализации заложенного имущества подлежала бы направлению сначала на погашение обязательств из кредитного договора № 50, и в оставшейся части – на погашение обязательств с более поздним сроком исполнения (из кредитного договора № 173).

После того, как фонд исполнил обязательства из договора поручительства, к нему в исполненной части в порядке суброгации перешли права кредитора по кредитному договору № 50 (статья 387 ГК РФ). Однако перемена лица в обязательстве не влечет изменение очередности погашения требований по двум кредитным договорам и перераспределение залогового старшинства (определение ВС РФ от 26.03.2018 № 310-ЭС16-6059). Следовательно, обязательства, исполнение по которым было обеспечено ипотекой, подлежали удовлетворению из суммы, вырученной от реализации заложенного имущества, в прежней очередности – исходя из сроков исполнения обязательств по двум кредитным договорам (пункт 5 статьи 46 Закона об ипотеке).

В обоснование последующего статуса ипотеки фонда суды сослались на положения пункта 4 статьи 364 ГК РФ и разъяснения пункта 30 постановления Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 № 42 "О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством", согласно которым исполнивший поручитель не вправе осуществлять их во вред кредитору, в том числе не имеет права на удовлетворение своего требования к должнику из стоимости заложенного имущества до полного удовлетворения требований кредитора по основному обязательству. В то же время невозможность противопоставить свои требования кредитору распространяется на обязательства, по которым поручитель выдавал обеспечение. В рассматриваемом случае фонд предоставил поручительство только по кредитному договору № 50 и не обеспечивал исполнение обязательств по договору № 173. Однако суды не исследовали, погашен ли долг перед банком по кредитному договору № 50 в полном объеме, принимая во внимание тот факт, что ответственность поручителя была ограничена 49,81 % от суммы долга.

Если у должника отсутствуют обязательства перед банком по кредитному договору № 50, то залоговое старшинство в отношении предмета ипотеки принадлежит фонду. При этом ссылка банка на то, что в обеспечение данного кредита не передавался объект незавершенного строительства, подлежит отклонению, так как по общему правилу ипотека распространяется на возведенные на заложенном земельном участке здания и сооружения (пункт 1 статьи 65 Закона об ипотеке).

Если же долг перед банком по кредитному договору № 50 не погашен полностью, то он имеет залоговое старшинство перед фондом в части этого долга, затем следуют требования фонда, а затем – требования банка из кредитного договора № 173.

[Определение ВС РФ от 25.04.2019 № 306-ЭС18-21709](#)

Залогодержатель помимо суммы, размер которой определяется в соответствии с п. 1 и 2 ст. 138 Закона о банкротстве, обязан перечислить на специальный банковский счет денежные средства на возмещение расходов по содержанию предмета залога, а также иных расходов, связанных с его реализацией.

Переключивание данных расходов на незалоговых кредиторов (на заявителя по делу о банкротстве) не согласуется с целями законодательного регулирования отношений несостоятельности.

В рамках дела о банкротстве общества арбитражный управляющий обратился в суд с заявлением о взыскании с администрации (заявителя по делу) вознаграждения и судебных расходов. Три инстанции удовлетворили заявление управляющего.

Обращаясь с настоящим заявлением, арбитражный управляющий ссылался на то, что не возмещенными за счет имущества должника остались в том числе расходы на оценку заложенного имущества.

Законом о банкротстве предусмотрено, что расходы на содержание заложенного имущества и реализацию его на торгах, в том числе расходы на обеспечение сохранности, на оценку, на публикацию сообщений о продаже такого имущества и результатах проведения торгов покрываются за счет вырученных от реализации предмета залога средств до распределения их конкурсным управляющим в порядке, предусмотренном п. 1 и 2 ст. 138 Закона о банкротстве.

Данная норма направлена на защиту прав и законных интересов не обладающих залоговым статусом кредиторов, как правило, не получающих удовлетворения своих требований от реализации заложенного имущества, обеспечивает баланс интересов всех кредиторов.

Действительно, положения законодательства о банкротстве прямо не регулируют порядок погашения упомянутых расходов в случае оставления предмета залога залоговым кредитором за собой. В этом случае необходимо учитывать, что оставление залогодержателем предмета залога за собой, по смыслу п. 4.1 ст. 138 Закона о банкротстве, является формой реализации заложенного имущества наряду с его продажей с торгов.

Таким образом, исходя из положений п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, ст. 343 ГК РФ залогодержатель помимо суммы, размер которой определяется в соответствии с п. 1 и 2 ст. 138 Закона о банкротстве, обязан перечислить на специальный банковский счет денежные средства на возмещение расходов по содержанию предмета залога, а также иных расходов, связанных с его реализацией.

В рассматриваемом случае наличие непогашенных расходов на оценку заложенного имущества обусловлено действиями конкурсного управляющего, который при распределении поступивших от реализации предмета залога денежных средств не учел упомянутые положения Закона о банкротстве. Фактически данные расходы были переложены на незалогового кредитора (администрацию), что не согласуется с целями законодательного регулирования отношений несостоятельности.

Банкротство граждан.

[Определение ВС РФ от 29.04.2019 № 305-ЭС18-22504](#)

Поскольку право на потребительское банкротство закреплено в законе, и оно не может быть осуществлено гражданином без участия финансового управляющего, суд обязан обеспечить условия для реализации названного права. Указанное предполагает активную позицию суда в решении вопроса об утверждении арбитражного управляющего, в частности, с согласия гражданина, одновременно направить запросы в несколько саморегулируемых организаций, а в случае необходимости в каждую из их числа. При поступлении ответов с указанием претендентов из нескольких организаций суд утверждает арбитражного управляющего, кандидатура которого указана в ходатайстве, поступившем в суд первым, если для этого нет установленных Законом о банкротстве препятствий.

В таком случае истечение трехмесячного срока, отведенного суду на разрешение вопроса о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом, не является основанием для прекращения производства по делу.

Определением арбитражного суда, оставленным без изменения, Непеин В.А. отстранен от исполнения обязанностей финансового управляющего.

После отстранения Непеина В.А. суд предлагал ассоциации МСРО "Содействие" представить кандидатуру арбитражного управляющего.

Ассоциация сообщила, что ни один арбитражный управляющий из числа ее членов согласия на представление своей кандидатуры для утверждения финансовым управляющим не выразил.

Суд предложил лицам, участвующим в деле, представить кандидатуру арбитражного управляющего. Однако сведения об иной саморегулируемой организации, из числа членов которой может быть утвержден финансовый управляющий, представлены не были.

На основании изложенного суд прекратил производство по делу.

В силу Закона о банкротстве процедуры несостоятельности в отношении гражданина осуществляются под контролем суда, который последовательно принимает решения по всем ключевым вопросам, в том числе касающегося утверждения арбитражного управляющего.

Применительно к настоящему делу право на судебную защиту, гарантированное ст. 46 Конституции РФ, включает в себя не только возможность гражданина обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве, но и предполагает обеспечение со стороны государства реальных условий для использования им всего механизма потребительского банкротства.

В рассматриваемом случае суды фактически лишили должника данного права и не приняли исчерпывающих мер для решения вопроса о выборе саморегулируемой организации, ограничившись направлением запроса лишь в одну саморегулируемую организацию, члены которой согласия исполнять функции финансового управляющего не выразили.

Участие финансового управляющего в деле о банкротстве гражданина является обязательным.

Поскольку право на потребительское банкротство закреплено в законе, и оно не может быть осуществлено гражданином без участия финансового управляющего, суд обязан обеспечить условия для реализации названного права. Это означает активную позицию суда в решении вопроса об утверждении арбитражного управляющего, в частности, с согласия гражданина, одновременно направить запросы в несколько саморегулируемых организаций, а в случае необходимости в каждую из их числа. При поступлении ответов с указанием претендентов из нескольких организаций суд утверждает арбитражного управляющего, кандидатура которого указана в ходатайстве, поступившем в суд первым, если для этого нет установленных Законом о банкротстве препятствий (п. 1 ст. 6 ГК РФ, абз. 3 п. 7 ст. 45 Закона о банкротстве).

Как видно из общедоступного реестра саморегулируемых организаций, в настоящее время соответствующим статусом обладают порядка пятидесяти организаций. Суд первой инстанции направил запросы только в одну из них.

Вопреки выводу судов общие положения п. 9 ст. 45 Закона о банкротстве о таком основании прекращения производства по делу о несостоятельности, как непредставление суду кандидатуры арбитражного управляющего в течение трех месяцев, не подлежали применению к отношениям, вытекающим из потребительского банкротства, поскольку они противоречат смыслу и целям законодательного регулирования в этой специальной сфере.

Трехмесячный срок, отведенный суду на разрешение вопроса о признании обоснованным заявления о признании гражданина банкротом, установленный п. 5 ст. 213.6 Закона о банкротстве, носит организационный характер. Само по себе его истечение не является основанием для прекращения производства по делу.

Банкротство застройщиков.

[Определение ВС РФ от 21.03.2019 № 304-ЭС17-21966 \(4\)](#)

Исходя из значения понятия "застройщик", которое содержится в Законе о банкротстве, суд, рассматривая в деле о несостоятельности вопрос об обоснованности требования участника строительства, проверяет наличие связывающего должника и кредитора договорного обязательства о передаче квартиры в будущем, устанавливает размер исполненного по соответствующей сделке со стороны участника строительства, не исследуя отношения, касающиеся прав должника на земельный

участок, на котором планировалось осуществить строительство, и объекты, находящиеся на этом участке.

Между обществом "Баутехник-Т" (заказчик) и обществом "СтройЦентр" (подрядчик) был заключен договор генерального подряда на выполнение работ по строительству жилого дома, который впоследствии прекратил своё действие на основании уведомления заказчика об отказе от исполнения данного договора.

В период действия договора общество "СтройЦентр" заключило с гражданами предварительные договоры, по которым обязалось к установленному сроку заключить основные соглашения о передаче гражданам прав участников долевого строительства в отношении квартир в многоквартирном доме, возводимом подрядчиком. В свою очередь, граждане по предварительным договорам обязались уплатить обществу "СтройЦентр" денежные средства за приобретаемое право в соответствующих суммах в день их подписания.

Так, в день заключения предварительных договоров был оформлен ещё ряд сделок с участием тех же граждан. Суть сделок заключалась в приобретении гражданами (цессионариями) у третьих лиц требований к обществу "СтройЦентр" об уплате задолженности по различным договорам (поставки, подряда, оказания услуг) по ценам, эквивалентным стоимости приобретаемых гражданами прав на квартиры.

Оплата по договорам цессии произведена гражданами в день их заключения. Цены предварительных договоров, номинальная стоимость уступленных требований к должнику и цены договоров цессии полностью совпадают.

Ввиду неисполнения обществом "СтройЦентр" своих обязательств по передаче квартир граждане обратились в суд с заявлениями о включении их требований о передаче жилых помещений в реестр.

Суд первой инстанции удовлетворил требования заявителей, основываясь на обстоятельствах внесения денежных средств по предварительным договорам, взаимосвязи предварительных договоров и договоров цессии и исходя из полного совпадения сумм и дат заключения названных сделок.

Апелляционный суд, с которым согласился суд округа, счёл подобные выводы ошибочными и отменил определение суда первой инстанции. Суды указали, что граждане приобрели у цедентов право денежного требования к обществу "СтройЦентр". Суд также указал на то, что договор генерального подряда был расторгнут по инициативе заказчика ввиду нарушения подрядчиком графика производства работ. Поскольку общество "СтройЦентр" не оплатило долевой взнос обществу "Баутехник-Т", то оно и не обладало правом на передачу в собственность жилых помещений в пользу граждан.

Между тем судами не учтено следующее.

Для признания должника, имеющего признаки банкротства, застройщиком в целях применения к нему специальных правил параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве достаточно, в частности, установить факт заключения таким должником возмездных сделок с участниками строительства, на основании которых он привлекал денежные средства в обмен на обещание передать жилые помещения. При этом в силу прямого указания Закона принятие застройщиком обязательств по передаче жилых помещений может оформляться различными договорами – договорами участия в долевом строительстве, купли-продажи будущего жилого помещения, предварительными договорами, договорами простого товарищества, о привлечении заемных средств или о приобретении векселей с условием о дальнейшем прекращении заемных (вексельных) обязательств передачей жилых помещений и т.д. (п. 1 и 6 ст. 201.1 Закона о банкротстве).

Определяя столь широко круг сделок, которые могут быть приняты во внимание при рассмотрении вопроса о наличии у участника строительства требования о передаче жилого помещения, федеральный законодатель исходил из необходимости обеспечения дополнительной защиты от злоупотреблений застройщиков, использующих различные механизмы привлечения денежных средств, на случай их банкротства. В п. 5 ст. 201.1 Закона о банкротстве особо обращено внимание на то, что подлинная воля участников спорных отношений может выявляться посредством проверки сделок, заключенных участниками строительства с застройщиком и (или) с действующими в его интересах третьими лицами, на предмет притворности.

По смыслу п. 2 ст. 201.1 Закона о банкротстве участнику строительства не может быть отказано в признании обоснованным его требования о передаче жилого помещения на том лишь основании, что должник не владеет на праве собственности, аренды или субаренды земельным участком, не обладает правом собственности или иным имущественным правом на объект строительства. Выводы суда апелляционной инстанции об обратном ошибочны. Закон о банкротстве для целей защиты прав участников

строительства относит к числу застройщиков более широкий круг лиц по сравнению с регулированием, установленным общими положениями гражданского законодательства.

Исходя из значения понятия "застройщик", которое придано ему Законом о банкротстве (пп. 1 п. 1, п. 2 ст. 201.1), суд, рассматривая в деле о несостоятельности вопрос об обоснованности требования участника строительства, проверяет наличие связывающего должника и кредитора договорного обязательства о передаче квартиры в будущем, устанавливает размер исполненного по соответствующей сделке со стороны участника строительства, не исследуя отношения, касающиеся прав должника на земельный участок, на котором планировалось осуществить строительство, и объекты, находящиеся на этом участке.

В рассматриваемом случае установлено, что должник неоднократно заключал с гражданами предварительные договоры, на основании которых они исполняли обязательства должника, а должник за это обязывался уступить гражданам требования о передаче жилых помещений в строящемся многоквартирном доме, который на момент привлечения денежных средств населения не был введен в эксплуатацию.

Суд первой инстанции пришёл к правильному выводу о том, что предварительные договоры и договоры цессии являлись взаимосвязанными притворными сделками, прикрывающими возмездный договор, по которому общество "СтройЦентр" обязалось передать гражданам права на получение жилых помещений, а те, в свою очередь, обязались передать по указанию общества "СтройЦентр" денежные средства цедентам в размере соответствующих сумм.

Вопреки мнению общества "Социальный жилищный комплекс" (правопреемник общества "Баутехник-Т", констатация судом первой инстанции обоснованности требований граждан к обществу "СтройЦентр" об исполнении обязательства в натуре не нарушает его прав и законных интересов и не влияет на объем его обязательств.

Граждане к обществу "Баутехник-Т" каких-либо требований в рамках настоящего обособленного спора не предъявили. В определении суда первой инстанции не содержится суждений о том, что данное общество является участником соглашения должника и граждан. Само по себе нахождение в реестре требований кредиторов общества "СтройЦентр" требований граждан не может служить основанием для вывода о том, что общество "СтройЦентр" имеет право на получение квартир в строящемся доме от общества "Баутехник-Т".

Исходя из установленных судом первой инстанции фактических обстоятельств спора общество "Социальный жилищный комплекс" в силу п. 3 ст. 308 ГК РФ не может считаться лицом, обязанным по отношению к гражданам.

В случае отсутствия у общества "СтройЦентр" каких-либо прав в отношении квартир, на которые претендуют заявители, будет осуществлен переход к расчетам с кредиторами должника деньгами. В таком случае требования заявителей трансформируются в денежные, подлежащие удовлетворению в третью, а не четвертую очередь (п. 1 ст. 201.9 Закона о банкротстве).

[Определение ВС РФ от 11.04.2019 № 305-ЭС18-2130\(5\)](#)

В рамках банкротства застройщика вне зависимости от того, заявлено ли кредитором денежное требование или требование о включении в реестр требований о передаче жилых помещений, суд должен учитывать не только размер уплаченного застройщику по договору, но и размер убытков. При неучете судом размера убытков нарушаются имущественные права участника строительства и необоснованно уменьшается число принадлежащих ему голосов на собрании кредиторов.

Арбитражный суд включил в реестр требований о передаче жилых помещений должника-застройщика требование Ломакина О.В. о передаче квартиры № 1068 на общую сумму 3 424 000 руб. и требование Золкиной И.В. о передаче комнаты № 903 на общую сумму 2 926 000 руб.

24.10.2017 собрание участников строительства приняло решение не передавать права застройщика на незавершенный жилой комплекс жилищно-строительному кооперативу, в связи с чем 18.12.2017 Золкина И.В., Ломакин О.В. и другие участники строительства потребовали в арбитражном суде трансформировать их требования в денежные, признав их обеспеченными залогом имущества должника.

13.03.2018 в судебном заседании заявители ходатайствовали об увеличении требований за счет включения в них размера убытков в виде реального ущерба, причиненного нарушением обязательства застройщика по передаче жилого помещения. Убытки рассчитаны в виде разницы между стоимостью жилого помещения, которое должно быть передано участнику строительства, определенной на дату введения первой процедуры, применяемой в деле о банкротстве к застройщику, и суммой уплаченных по договору

денежных средств, то есть по пункту 2 статьи 201.5 Закона о банкротстве. В обоснование размера убытков заявители представили отчет об оценке рыночной стоимости жилых помещений.

Отказывая учитывать убытки, суды исходили из того, что это требование является самостоятельным и дополнительным, имеющим свой предмет, основание и размер, отличный от требования участника строительства о возврате денежных средств, уплаченных по договору за жилые помещения. К тому же закон не обязывает суд самостоятельно в отсутствие своевременно заявленного кредитором требования учитывать размер указанных убытков.

Судебная коллегия полагает судебные акты подлежащими отмене в части отказа во включении в реестр сумм убытков.

Согласно пункту 2 статьи 201.5 Закона о банкротстве одной из особенностей установления размера денежных требований к банкроту-застройщику является необходимость учета убытков в виде реального ущерба, причиненных нарушением обязательства застройщика по передаче жилого помещения. Реальный ущерб определяется как разница между стоимостью жилого помещения, которое должно было быть передано участнику строительства, и суммой денежных средств, уплаченных по договору, предусматривающему передачу жилого помещения. Стоимость жилого помещения определяется оценщиком, привлекаемым арбитражным управляющим за счет застройщика, на дату введения процедуры, применяемой в деле о банкротстве к застройщику, в рамках которой предъявлено требование участника строительства. Отчет об оценке направляется арбитражным управляющим участнику строительства и в арбитражный суд.

Если заявлено требование о передаче жилого помещения, то согласно пункту 5 статьи 201.6 Закона о банкротстве также устанавливается как размер уплаченного участником строительства застройщику по договору, так и размер убытков в порядке пункта 2 статьи 201.5 того же Закона. Сумма этих двух составляющих определяет число голосов участника строительства в собрании кредиторов.

Согласно пункту 3 статьи 201.12 Закона о банкротстве участник строительства обладает на собрании участников строительства числом голосов, пропорциональным размеру его денежных требований и (или) требований о передаче жилых помещений (с учетом пункта 5 статьи 201.6 Закона о банкротстве) по отношению к общей сумме денежных требований и требований о передаче жилых помещений, включенных в реестр требований кредиторов и реестр требований о передаче жилых помещений на дату проведения собрания участников строительства.

Таким образом, механизм расчета размера требований, установленный пунктом 2 статьи 201.5 Закона о банкротстве, универсален для обоих вариантов волеизъявления участника строительства по удовлетворению его требований к застройщику-банкроту и, по существу, обязывает арбитражный суд учитывать не только размер уплаченного застройщику по договору, но и размер убытков, тем более, если арбитражный управляющий или участник строительства (при неисполнительности арбитражного управляющего) представил отчет об оценке жилого помещения, в том числе и в порядке увеличения размера требований (пункт 1 статьи 49 АПК РФ).

В противном случае нарушаются имущественные права участника строительства и необоснованно уменьшается число принадлежащих ему голосов на собрании кредиторов.

Следует заметить, что тот же механизм расчета размера требований применяется при погашении требований участников строительства путем передачи объекта незавершенного строительства (подпункт 1 пункта 3 статьи 201.10 Закона о банкротстве), а также при погашении требований участников строительства путем передачи им жилых помещений (подпункт 3 пункта 3 статьи 201.11 Закона о банкротстве), что также подтверждает обязанность арбитражного суда учитывать размер убытков.

Прочие вопросы.

[Определение ВС РФ от 20.03.2019 № 304-ЭС18-20504](#)

Частичное удовлетворение требования бенефициара по банковской гарантии за счет имущества банка в процедуре банкротства, даже с нарушением сроков, предусмотренных ст. 375 ГК РФ, не означает, что банковская гарантия полностью утратила свое назначение.

При разрешении спора о взыскании просроченного вознаграждения по договору о предоставлении банковской гарантии, установив, что с одной стороны, предоставленная банком гарантия определенное время полноценно выполняла свою обеспечительную функцию, с другой – с отзывом лицензии и признанием банка банкротом эффективность банковской гарантии снизилась, судам надлежит дать оценку эквивалентности предоставленного банком исполнения и встречного исполнения со стороны принципала.

Банк в лице конкурсного управляющего – ГК АСВ обратился в арбитражный суд с иском о взыскании с общества "Коралл" просроченного вознаграждения по договору о предоставлении банковской гарантии, штрафных санкций за просрочку выплаты вознаграждения, а также судебных расходов.

Суды удовлетворили требования банка частично.

Как установлено судами банком (гарантом) и обществом (принципалом) подписан договор, в соответствии с которым гарант обязуется предоставить по просьбе принципала банковскую гарантию в пользу Управления делами Правительства Тюменской области (бенефициар) для обеспечения исполнения принципалом обязательств перед бенефициаром по контракту на выполнение строительно-монтажных работ, а принципал обязуется заплатить гаранту вознаграждение за предоставление гарантии на условиях договора.

Впоследствии у банка была отозвана лицензия на осуществление банковских операций с 08.02.2016.

Частично удовлетворяя исковые требования, суды руководствовались положениями ст. 368, 369, 375, 417 ГК РФ и ФЗ "О банках и банковской деятельности" и исходили из того, что вознаграждение подлежит выплате за период до даты отзыва у банка лицензии, поскольку с момента отзыва лицензии банк утрачивает возможность выплаты гарантийного обязательства непосредственно при предъявлении к нему требования о платеже; в этом случае исполнение требования общества о выплате по банковской гарантии возможно только в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве, в связи с чем банковская гарантия, по сути, утрачивает свой статус обеспечительного платежа, выплачиваемого по первому требованию бенефициара; с даты отзыва у банка лицензии обязательства по выданной банком банковской гарантии прекратились и, следовательно, с указанной даты в соответствии с условиями договора прекратились обязательства по выплате вознаграждения.

Между тем судами не учтено следующее.

Отзыв у банка лицензии на осуществление банковских операций и признание банка несостоятельным не признаются основанием прекращения обязательств банка перед кредиторами. Напротив, они не препятствуют бенефициару, не отказавшемуся от своих прав по гарантии (пп. 3 п. 1 ст. 378 ГК РФ), получить от банка исполнение в порядке и в размере, установленных Законом о банкротстве. С учетом этого ссылка судов на прекращение обязательства невозможностью исполнения ошибочна.

Частичное удовлетворение требования бенефициара за счет имущества банка в процедуре банкротства и с нарушением сроков, предусмотренных ст. 375 ГК РФ, не означает, что банковская гарантия полностью утратила свое назначение. Вместе с тем качество обеспечения исполнения обязательства принципала перестало отвечать требованиям, установленным параграфом 6 главы 23 ГК РФ для гарантии.

В рамках договора о предоставлении банковской гарантии интерес принципала (подрядчика по контракту на выполнение строительно-монтажных работ) выражается в получении возможности заключить контракт и сохранить договорные отношения с заказчиком. Необходимым условием достижения этой цели является предоставление заказчику обеспечения в виде банковской гарантии, которая в случае нарушения подрядчиком обязательств по контракту минимизирует риски заказчика путем удовлетворения банком требований бенефициара в упрощенном порядке и в установленные законодательством фиксированные сроки.

Установив, что, с одной стороны, предоставленная банком гарантия определенное время полноценно выполняла свою обеспечительную функцию, с другой – с отзывом лицензии и признанием банка банкротом эффективность банковской гарантии снизилась, судам следовало дать оценку эквивалентности предоставленного банком исполнения и встречного исполнения со стороны общества.

Ограничившись взысканием суммы вознаграждения за период до отзыва у банка лицензии на осуществление банковских операций, суд первой инстанции принял решение, не соответствующее требованиям законности и обоснованности. Суду следовало, исходя из возражений ответчика и доводов банка, предложить им представить доказательства в подтверждение (опровержение) такой эквивалентности; при необходимости привлечь специалистов либо назначить по делу судебную экспертизу для определения экономической эффективности выданной банком гарантии на протяжении всего периода ее действия и соответствующего денежного эквивалента за ее предоставление.

[Определение ВС РФ от 18.04.2019 № 305-ЭС18-19708](#)

1. Законом о банкротстве и Законом о банках отзыв у банка лицензии на осуществление банковских операций и признание банка несостоятельным не признаются основаниями прекращения

обязательств банка перед кредиторами. Напротив, они не препятствуют бенефициару, не отказавшемуся от своих прав по гарантии, получить от банка исполнение в порядке и в размере, установленных Законом о банкротстве.

2. При рассмотрении иска о взыскании с принципала суммы вознаграждения по гарантии, срок уплаты которой пришелся на период после отзыва у гаранта лицензии на осуществление банковских операций, суду, при установленной в течение определенного времени полноценной обеспечительной функции такой гарантии, надлежит предложить сторонам представить доказательства в подтверждение (опровержение) эквивалентности исполнения, представленного банком, и встречного исполнения со стороны принципала.

Банк (гарант) в лице ГК АСВ обратился в арбитражный суд с иском о взыскании с общества (принципал) 13 774 419,78 руб. задолженности по уплате вознаграждения по соглашению о предоставлении банковской гарантии от 06.10.2015.

Судами трех инстанций в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене.

06.10.2015 между банком и обществом заключено соглашение о предоставлении банковской гарантии (далее – соглашение), в соответствии с которым банк по просьбе принципала обязался выдать гарантию в пределах 285 000 000 руб. в пользу ООО "Платинум Арена" (бенефициара) в случае неисполнения обществом обязательств по договору подряда от 17.07.2015, заключенному с бенефициаром.

В целях обеспечения надлежащего исполнения обществом обязательств по соглашению между банком и Орловым А.В. (поручителем) заключен договор поручительства от 06.10.2015.

Приказом Банка России от 19.09.2016 у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, решением от 25.10.2016 банк признан банкротом.

Ненадлежащее исполнение обществом и поручителем договорных обязательств послужило основанием для обращения банка в арбитражный суд с настоящим иском о взыскании с принципала задолженности по уплате вознаграждения по соглашению о предоставлении банковской гарантии.

Судами установлено, что до отзыва у банка лицензии ответчик выплачивал истцу вознаграждение в размерах и в сроки, установленные соглашением; заявленное требование представляет собой сумму периодических платежей за предоставление банковской гарантии, срок выплаты которых наступил после отзыва у банка лицензии.

Соглашение о предоставлении банковской гарантии регулирует отношения между банком и принципалом по предоставлению банковской услуги – выдаче банковской гарантии (статья 5 Закона о банках), оказываемой на возмездной основе. К правоотношениям сторон по такому соглашению, в том числе по вопросам прекращения (расторжения) соглашения, применяются общие нормы ГК РФ об обязательствах с учетом положений параграфа 6 главы 23 ГК РФ о независимой гарантии.

Отзыв у банка лицензии на осуществление банковских операций и признание банка несостоятельным Законом о банкротстве и Законом о банках не признаются основанием прекращения обязательств банка перед кредиторами. Напротив, они не препятствуют бенефициару, не отказавшемуся от своих прав по гарантии (подпункт 3 пункта 1 статьи 378 ГК РФ), получить от банка исполнение в порядке и в размере, установленных Законом о банкротстве. С учетом этого ссылок судов на прекращение обязательства невозможностью исполнения ошибочна.

Частичное удовлетворение требования бенефициара за счет имущества банка в процедуре банкротства и с нарушением сроков, предусмотренных статьей 375 ГК РФ, не означает, что банковская гарантия полностью утратила свое назначение. Вместе с тем качество обеспечения исполнения обязательства принципала перестало отвечать требованиям, установленным параграфом 6 главы 23 ГК РФ для гарантии.

В соответствии со статьей 328 ГК РФ встречным признается исполнение обязательства одной из сторон, которое обусловлено исполнением другой стороной своих обязательств (пункт 1). В случае непредоставления обязанной стороной предусмотренного договором исполнения обязательства либо при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что такое исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков. Если предусмотренное договором исполнение обязательства произведено не в полном объеме, сторона, на

которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения в части, соответствующей непредоставленному исполнению.

В рамках соглашения о предоставлении банковской гарантии интерес принципала (подрядчика по договору подряда) выражается в получении возможности заключить договор и сохранить договорные отношения с заказчиком. Необходимым условием достижения этой цели является предоставление заказчику обеспечения в виде банковской гарантии, которая в случае нарушения подрядчиком обязательств по договору минимизирует риски заказчика путем удовлетворения банком требований бенефициара в упрощенном порядке и в установленные законодательством фиксированные сроки.

В качестве встречного предоставления принципал уплачивает банку вознаграждение (комиссию, премию) за выдачу гарантии, размер которого определяется банком с учетом ряда факторов: размера и срока гарантийного обязательства, независимости гарантии от обеспечиваемого обязательства, наличия регрессного требования к принципалу по осуществлению выплаты, платежеспособности и добросовестности принципала и др.

Установив, что, с одной стороны, предоставленная банком гарантия определенное время полноценно выполняла свою обеспечительную функцию, с другой – с отзывом лицензии и признанием банка банкротом эффективность банковской гарантии снизилась, судам следовало дать оценку эквивалентности предоставленного банком исполнения и встречного исполнения со стороны общества.

Отказывая в удовлетворении иска о взыскании суммы вознаграждения, срок уплаты которой пришелся на период после отзыва у банка лицензии на осуществление банковских операций, суд первой инстанции принял решение, не соответствующее требованиям законности и обоснованности. Суду следовало, исходя из возражений ответчика и доводов банка, предложить им представить доказательства в подтверждение (опровержение) такой эквивалентности; при необходимости привлечь специалистов либо назначить по делу судебную экспертизу для определения экономической эффективности выданной банком гарантии на протяжении всего периода ее действия и соответствующего денежного эквивалента за ее предоставление.

IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:

1. Монографии

[Лотфуллин Р.К. Оспаривание сделок при банкротстве \(Статут, 2019\)](#)

[Несостоятельность \(банкротство\): Учебный курс. В 2 т. / под ред. С.А. Карелиной \(Статут, 2019\)](#)

[Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике \(Статут, 2018\)](#)

2. Диссертации

[Сайфуллин Р.И. Поручительство и банкротство: взаимная связь правовых институтов](#)

Дата защиты: 20.05.2019

Место защиты: ФГНИУ "Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации"

[Рыков Д.А. Недействительность сделок должника в деле о банкротстве: гражданско-правовые аспекты](#)

Дата защиты: 21.05.2019

Место защиты: ФГАОУ ВО "Сибирский федеральный университет"

3. Статьи

Журнал "Арбитражная практика для юристов"

Март

[Коновалов Е. Мнимый договор подряда в банкротстве. Пять признаков искусственности долга](#)

[Макарова Н. Взыскание долгов с руководителей недействующего ООО. Когда суд встанет на сторону кредитора](#)

[Набережный А. Сделка совершена на организованных торгах. Как сохранить ее в суде](#)

[Покрышкин Н., Шабалина М. Неравноценные сделки в банкротстве: ключевые проблемы оспаривания](#)

Апрель

[Зазулин А. Должник выводит активы. Пять позиций ВС в помощь кредитору](#)
[Покрышкин Н., Родионов В. Аффилированное лицо выдает корпоративные требования за реестровые. Как защититься независимому кредитору](#)
[Сафонова Е. Вывод активов привел к банкротству группы компаний. Контролирующее лицо ушло от ответственности](#)

Журнал "Вестник экономического правосудия"

Март

[Шайдуллин А.И. Судьба обеспечительных сделок связанных с должником лиц при банкротстве](#)
[Белова М.Т., Макин Р.В. Какова оптимальная модель субординации корпоративных займов, выданных в условиях банкротства? \(к русскому переводу статьи М. Гельтера и Ю. Рота\)](#)

Апрель

[Суворов Е.Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению](#)

Журнал "Закон"

Март

[Широкова Е.В. Изменение нормативно установленной иерархии требований кредиторов в деле о банкротстве: зарубежный опыт и перспективы отечественного регулирования](#)

Журнал "Корпоративный юрист"

Март

[Хантимиров В. Что влияет на интерес арбитражного управляющего и как с этим бороться](#)

Журнал "Хозяйство и право"

Март

[Егоров А. Установление требований кредиторов при банкротстве](#)

Апрель

[Егоров А. Арбитражные управляющие: правовая природа, статус, вознаграждение за труд](#)

Журнал "Юрист компании"

Март

[Меньшова М. Как защитить сделку, чтобы ее не оспорили по банкротным основаниям](#)

Апрель

[Мяло Д. Налоговая заплатит за банкротство](#)

4. Блоги

Бацев В. [НДС при банкротстве: подводные камни продажи имущества в конкурсе](#)
Будылин С. [Брошу все и уеду в деревню, или Дело о банкротном туристе](#)
Верещагин А. [Дело 1907 года о внеконкурсном оспаривании сделок должника](#)
Воронцов А. [Залог банковского счета перед банкротством](#)
Григорьев А. [Банкротство гражданина: где делить имущество супругов при банкротстве и другие вопросы подсудности в Постановлении Пленума ВС №48 от 25.12.2018 г.](#)
Жужжалов М. [И снова к вопросу о вещно-правовой природе права аренды: аренда как актив](#)
Изосимов С. [Субординация требований участников хозяйственных обществ. Все ли требования должны перекалфицироваться? О чем же все-таки Определение ВС РФ от 04.02.2019 № 304-ЭС18-14031?](#)
Ипполитова Э. [Чисто экономические убытки vs субсидиарная ответственность контролирующих лиц](#)
Коробкова К. [Блеск и нищета арбитражных управляющих](#)
Кулешина М. [Доказательственное значение данных налогового и бухгалтерского учета юридического лица в делах о банкротстве](#)
Ловкина А. [Чрезмерные расходы АСВ в банкротстве банков](#)
Ловкина А. [Операция по принуждению ГК АСВ к добросовестной публикации сообщений в ЕФРСБ](#)

Насонов А. [Долгожданная судебная практика касательно статуса требований участника долевого строительства нежилых помещений к застройщику-банкроту](#)
Пекарников Д. [Можно ли банкротить за задаток?](#)
Петров Е. [Банкротство наследственной массы](#)
Петрова А. [Конечный бенефициар как контролирующее должника лицо](#)
Постильга А. [Обзор судебной практики по делам о банкротстве физических лиц. Критерии выбора единственного жилого помещения должника, исключаемого из конкурсной массы](#)
Постильга А. [Новый подход к пониманию злоупотребления правом при включении в реестр требований аффилированных с должником лиц](#)
Саликов М. [Поймай меня, если сможешь. История о том, как Верховный суд банкротный туризм пресекал](#)
Стасюк И. [Требования акционеров к должникам-банкротом. Как суды понимают практику ВС РФ о субординации требований акционеров](#)
Стасюк И. [Дело об опоздавшем залогодержателе. Комментарий к Определению ВС РФ от 01.04.2019 № 304-ЭС17-1382 \(Маркер vs Сибирская Вагоноремонтная компания\)](#)
Шамшина А. ["Мягко стелет...": Определение ВС РФ от 04.02.2019 года № 304-ЭС18-14031](#)

* * *

Ответственный

редактор Дайджеста:

Алексей Мороз,

адвокат, магистр частного права (РШЧП), к.э.н., управляющий партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

Редакторы:

Татьяна Иванова

(юрист, АБ "Эксиора")

Дарья Нюхалкина

(юрист, АБ "Эксиора")

Гульнара Исмагилова

(юрист-эксперт, редактор портала Закон.ру)

Подписаться на регулярное получение Дайджеста можно [здесь](#)

С предыдущими выпусками Дайджеста можно ознакомиться [здесь](#).

Отписаться от получения данной рассылки можно [здесь](#)

Контактная информация:

Юридический институт "М-Логос"

<http://www.m-logos.ru>

E-Mail: digest@m-logos.ru

Тел. +7 (495) 771-59-27

Адвокатское бюро "Эксиора"

<http://exiora.ru>

E-Mail: info@exiora.ru

Тел. +7 (495) 762-62-44